

Сейд

Автор:

Михаил Гальцов

Сейд

Михаил Гальцов

Три государственных секретных подразделения, враждующие между собой, охотятся за артефактами шаманов Кольского полуострова. Такими артефактами предположительно являются так называемые бункеры – вместилища для неизвестных вселенных, дающие возможность управлять миром. Главный герой, работающий на одно из секретных подразделений, учёный-окультист, под влиянием духа шамана проходит шаманские инициации в разных эпохах и измерениях, чтобы добыть «бункеры» и затем самому стать шаманом.

Сейд

Михаил Гальцов

© Михаил Гальцов, 2019

ISBN 978-5-4496-7555-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЁД

«Человек, умирающий прежде смерти, не умирает, когда приходит смерть»
(Абрагам из Санта-Клара, австрийский монах-августинец XVII век).

ВЫДЕРЖКА ИЗ СВОДКИ С ТЕАТРА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА КОЛЬСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ. ФЕВРАЛЬ 1919 ГОДА. АРХИВ НКВД. ГРИФ «СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО».

«По сообщениям агента нашей разведки 19 февраля сего года белогвардейский самолёт должен был вывезти из селения Ловозеро некий секретный груз и доставить его в Мурманск, чтобы затем транспортировать груз в Великобританию на канонерской лодке „Булат“. На перехват груза был отправлен военлёт капитан Боков А. Г. и двое аэросаней с работниками ЧК в количестве шестерых человек. В результате проведённой операции груз не найден, погибли шесть работников ЧК. Военлёт капитан Боков А. Г. пропал без вести».

ФЕВРАЛЬ 1935 ГОДА. КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ. ЛОВОЗЕРО.

Шаман молчал.

Следователь ловозёрского НКВД лейтенант госбезопасности Бирюков нервно позвенел ложечкой о стенки стакана с остывшим уже чаем и расстегнул на своем новом кителе крючок и верхнюю пуговицу. В его кабинете было довольно холодно, но Бирюкова бросало в жар от того, что докладывать товарищам из Москвы было совершенно нечего. Недавно пошитый и отутюженный лейтенантский китель в мгновение ока мог превратиться в грязную арестантскую робу, а кабинет с ковровой дорожкой и большим дубовым столом – в холодный, продуваемый всеми северными ветрами барак. Такие перспективы лейтенанта не устраивали.

Бирюков пододвинул к себе поближе папку с надписью «ДЕЛО №336», но открывать не стал. «Сначала потрясем еще раз эту сволоочь!» – подумал лейтенант, достал из бокового кармана кителя пачку папирос «Герцеговина Флор» (такие же курит товарищ Сталин...) и коробок спичек с нарисованным на нем счастливым и улыбающимся черно-красным шахтером. Конечно, ему, стахановцу, легко там в своем забое нормы выполнять – круши себе антрацит

отбойным молотком и круши, про тебя потом статью в газете тиснут, с фотографией. А здесь? Здесь дело тонкое, товарищи дорогие, и архиважное, так как работа с людьми – это не фунт изюму, понимать надо.

Бирюков чиркнул спичкой о коробок, прикурил, втянул в себя порцию ароматного табачного дыма и резко выдохнул его через ноздри прямо в свое мрачное лицо, отражающееся в столешнице полированного стола.

– «Шалаев!» – хрипло крикнул лейтенант, моментально открылась дверь, и перед ним встал навтыжку огромный сержант с маленькими глазками и бульдожьей челюстью на квадратном лице. Винтовка Мосина, которая висела у сержанта на правом плече, казалась детской игрушкой по сравнению с его богатырскими габаритами.

– Есть, товарищ лейтенант!

– Веди сюда этого колдуна.

– Есть, товарищ лейтенант! – сержант замешкался, переминаясь с ноги на ногу.

Бирюков моментально уловил этот жест и вопросительно посмотрел на сержанта.

– Что?

– Он, товарищ лейтенант, того, не ходит. Кончается он.

Бирюков привстал из-за стола и, безразлично глядя перед собой, произнес:

– Сюда его. В любом виде. Живым или мертвым. Сюда!

– Есть!

Захлопнулась за сержантом дверь, и подавленный следователь тяжело опустился на стул. «Дожать шамана! Дожать! Он у меня мертвым говорить будет, сволочь!» Золотые сокровища тундры сыпались сквозь пальцы Бирюкова, как речной песок, и жестокий северный ветер швырял этот песок вверх,

к холодным звездам, висящим над Сейд-озером.

Искали шамана долго. Отряду чекистов пришлось три недели прочесывать тундру в его поисках, пока один из недовольных шаманом лопарей не продал его местонахождение за две бутылки водки – не ахти какая цена для самого большого в мире социалистического государства! Чекисты привезли колдуна в Ловозеро и приступили к работе. На вопрос: «Где, сволочь, прячешь золото?» шаман не отвечал, равно, как и не отвечал вообще ни на какие вопросы. Его морили голодом, не давали воды, лишали сна и тушили папиросы о голое жилистое тело цвета дубовой коры. А на теле том живого места не было от татуировок: рыбы, олени, непонятные никому иероглифы, диковинная, распростершая крылья на шаманской груди, черная птица и... свастики! Много свастик! Они покрывали оба плеча шамана иссиня-черным узором и две белоголовые змеи со злобными глазами выползали из этих свастик на колдовские ладони. Получалось, что колдун ни кто иной, как пособник фашиста-Гитлера.

Бирюков, возмущенный до глубины души всеми сложившимися обстоятельствами не выдержал и приказал произвести допрос с использованием воды и половой тряпки.

В подвальном помещении, где производились допросы обвиняемых, шамана положили спиной на стол и крепко-накрепко к нему привязали. Дюжий Шалаев взял грязную тряпку, разжал шаману зубы лезвием финки, и один конец тряпки вставил в глотку пособника империализма. Глаза шамана выражали первобытную дикость и полное непонимание происходящего. Вторым концом тряпки умелец-сержант закрыл шаману раздувающиеся ноздри. Потом медленно-медленно сержант начал лить воду на ткань. Тряпка все больше набухала водой, шаман пытался глотать, но ничего не получалось.

Бирюков на все это дело смотреть не захотел, поднялся к себе в кабинет и стал читать большую хвалебную статью о сталинском соколе – товарище Чкалове. По прочтении статьи следователь спустился в подвал и застал там такую картину: из носа и ушей шамана текла темная, похожая на вишневый ликер

кровь, а Шалаев медленно-медленно продолжал лить воду на тряпку. Выражение лица Шалаева при этом было похоже на выражение лица пятилетнего ребенка, наколовшего на булавку гудящего майского жука.

- Отставить!!! - фальцетом закричал Бирюков, и удивленный сержант застыл по стойке «смирно» рядом с пускающим кровавые пузыри шаманом. Графин при этом он аккуратно поставил на край дрожащего от человеческих конвульсий стола. Графин сорвался с края, хлопнул об пол, и мелкие стеклянные брызги полетели на черный кожаный глянец бирюковских сапог.

- Шалаев, быстрее доктора сюда! Бегом!

Забухали по коридору грузные шаги. Лейтенант сорвал с лица шамана окровавленную тряпку и бросил на пол. С отвращением посмотрел на сведенное судорогой татуированное тело и громко выругался. Ему показалось, что он чувствует на себе чей-то внимательный и злобный взгляд. Следовательно огляделся по сторонам - в комнате никого не было. Он машинально расстегнул, висящую на портупее потертую кобуру, вытащил револьвер и взвел курок, ставшими вдруг непослушными, пальцами.

Дверь резко открылась, и в комнату вкатился низенький толстый человек в белом халате, сопровождаемый запыхавшимся сержантом. В одной руке человек держал пузатый акушерский саквояж, а другой вытирал блестящие от жира губы. Когда доктор обедал, ни одна живая душа не рисковала его тревожить, а тут... Доктор бросил саквояж на пол и недовольно уставился на бездыханного шамана.

- А что, батенька, без этого совсем нельзя?! - доктор указал глазами на валяющуюся на полу тряпку - есть же множество более гуманных методов воздействия на человека, например - гильотина.

- Шутить изволите, Станислав Германович? А нам тут ваших шуток не надо! Нам нужно, чтобы вы, товарищ доктор, занимались своим делом и всячески помогали при помощи своего опыта и знаний выявлению преступных элементов и разной прочей сволочи! Сделайте же что-нибудь скорее!

Доктор заметил, что Бирюков держит в руке наган со взведенным курком, и рука эта дрожит мелкой дрожью.

«А ведь может и застрелить, сукин сын!» – подумал доктор и схватился за руку шамана. Немного подержал запястье, бросил, воткнул в свои, поросшие седым волосяным мхом, уши трубочки стетоскопа, а круглый металлический диск приставил к шаманской груди. Слушал доктор колдуна несколько минут, которые Бирюкову показались если не вечностью, то целыми сутками. Бирюков слышал, как стучит в груди его собственное сердце, и ему казалось, что оно сейчас вылетит наружу и запрыгает по скользкому кафельному полу, оставляя за собой причудливый розовый след.

Голос доктора вывел следователя из оцепенения.

– Мне кажется, батенька, что ваш колдун жив. Сейчас я сделаю ему укольчик, а вы, будьте любезны, его развязать, уложить на койку и не тревожить в течение последующего дня. Авось оклемается. Хотя, как говорится, на все воля божия!

Бирюков гневно посмотрел на доктора. Человек этот Бирюкову давно никакой симпатии не внушал, так как слыл вольнодумцем, и не был до сих пор расстрелян только лишь по причине своих исключительных профессиональных качеств, к тому же слуга Гиппократ представлял собой когорту «бывших», а Бирюков был убежденным марксистом-ленинцем и ярким атеистом. И ещё: за последние полгода, изучая архивные документы для служебного пользования, Бирюков проанализировал массу ценной информации. Ценность её состояла в том, что позволяла окончательно и бесповоротно разоблачить доктора, как агента немецкой разведки, и расстрелять. Оказалось, что родословная Станислава Германовича берёт своё начало от первых немецких поселенцев на русском севере. Предки доктора ещё при царе Петре Первом приняли российское подданство и навсегда осели в Немецкой слободе, что была ими построена в Архангельске. До 1914 года отец доктора Герман Карлович Литке имел один лесозаготовительный и два деревообрабатывающих завода, но сын почему-то решил стать врачом. Выучившись в Петербурге, он вернулся домой, а тут как раз грянула война. Герман Карлович скоропостижно скончался от сердечного приступа, и дело пришлось продать. Станислав Германович имел в городе множество клиентов, что помогало ему безбедно существовать и заводить весьма полезные знакомства. Одним из таких знакомых был хозяин экспедиторской конторы «Книпп и Вернер» – Ганс Книпп. Всё бы хорошо, но на контору обратила внимание служба военно-морского контроля (так в ту пору называлась военно-морская контрразведка). Основанием для повышенного внимания к мирным немцам послужил ряд событий, произошедших в 1916 году

в Архангельске. В начале июля «по невыясненным причинам» произошёл пожар, который уничтожил большие продовольственные склады вместе с хранимым там провиантом. Затем полыхнула кабельная станция в Александровске, обеспечивавшая телеграфное сообщение между Россией и Англией. В октябре у двадцатого причала грохнул взрыв, который развалил на куски полпарохода «Барон Дризен», повредил «Рекорд» и «Earle of Farfor», снёс десятки жилых домов, шкиперские склады и близлежащую электростанцию. Погибло более тысячи человек, а 1166 получили ранения. В ноябре при аресте Ганс Книпп был застрелен в собственной конторе русским жандармом. Станислава Германовича арестовали и спустя несколько дней с извинениями отпустили на свободу за неимением улик.

В ноябре 1917 года доктор «всплыл» в Ловозере и никуда более не уезжал, разве что на рыбалку в тундру. И всё же мысль о шпионской деятельности Станислава Германовича не давала Бирюкову покоя...

Бирюков аккуратно поставил револьвер на полувзвод, зачем-то потерял его о штанину и убрал в кобуру. Доктор облегченно вздохнул.

– Бога, как вы знаете, Станислав Германович, нет! А потому попрошу имя его более не упоминать, а то сами понимаете, что может быть. Шамана же вам лучше спасти, иначе после приезда московских товарищей нам тут всем не поздоровится. Ясно?

– Куда уж, батенька, яснее. Сделаю все что смогу.

Доктор достал из кармана халата чистый носовой платок, вытер красное одутловатое лицо и капельки пота, выступившие на лысине, потом раскрыл саквояж, порылся в его внутренностях и достал маленькую никелированную коробочку со шприцем и картонную коробочку с ампулами. Немного постучав по ампуле ногтем указательного пальца, доктор осторожным движением обломил ее головку и закачал в шприц прозрачное содержимое. Натренированным движением воткнул иглу в набухшую вену и, мягко надавив на поршень, вкачал в шамана искусственную, выросшую из белых безвкусных кристаллов, жизнь. Через минуту шаман открыл горящие звериным огнем глаза, разлепил запекшиеся губы и сказал одно единственное слово – «Дженга».

И вот теперь, когда из Москвы должны были прибыть в Мурманск посланники засекреченного спецотдела, все рушилось. Шаман умирал, так и не выдав местонахождение лопарского клада, а вместе с его смертью таяли надежды Бирюкова на сытую карьеру и перевод куда-нибудь на «Большую Землю». Действовать надо было очень быстро.

Пришел сержант и, глядя в пол, доложил, что шаман умер. Бирюков думать долго не стал – приказал труп положить на ледник, шаманскую одежду сложить в короб и запереть в кладовой, в книге учета покойника не отмечать, а о происшедшем начальству пока не докладывать. Посланники Москвы должны были появиться здесь со дня на день. Что такое «Дженга» Бирюков не знал.

ФЕВРАЛЬ 1935 ГОДА. МОСКВА

Александр Михайлович Соловьёв сидел у себя в квартире за массивным дубовым столом, на котором была разложена изрядно потёртая карта мира, пестрящая воткнутыми в неё флажками. В очередной раз, отхлебнув из небольшой фарфоровой чашки крепчайшего чая, Александр Михайлович упёрся взглядом в Северный Ледовитый Океан. Мысль о существовании древней полярной цивилизации давно уже лишила его покоя. «Как могло получиться – думал Александр Михайлович – что турок Пири Рейс еще в 1512 году составил карту мира и нанёс на неё Америку, Магелланов пролив и Антарктиду?! Ведь Магеллан отправился в первое кругосветное путешествие в 1519 году, а российские мореплаватели открыли Антарктиду спустя триста лет после этого фантастического турка! На карте Пири Рейса Антарктида была щедро испещрена горами и реками и совсем не имела ледового покрова! Тем же и отличался нанесённый им на карту Северный полюс! Турок во время всего своего плавания вёл дневник, в котором записал, что он составил эту карту на основе старинных рукописей из библиотеки Александра Македонского. Откуда появились такие знания в четвёртом веке до нашей эры? Кто эти таинственные картографы? Какие древние цивилизации существовали на противоположных полюсах земли? Как всё это соотносить с результатами моей экспедиции 1927 года?» Вопросов было много, и Александр Михайлович просидел за столом до трёх часов ночи в глубокой задумчивости, водя пальцем по карте и что-то записывая в толстый синий блокнот. В три часа ночи он выключил настольную лампу, разделся, лёг на диван и моментально заснул.

Телефонные трели Александр Михайлович услышал ровно в четыре утра. Ощущение было такое, словно маленькие металлические шарики рассыпаются внутри черепной коробки с оглушительным и отнюдь не мелодичным звоном. Александр Михайлович открыл глаза, вскочил с дивана и, на ходу протирая глаза, босиком прошлепал к столу. Сжав в руке черное обтекаемое тельце телефонной трубки, приложил ее к уху и сонно произнес: «Соловьев у телефона». На что голос на другом конце провода констатировал с едким сарказмом «У телефона? Это очень и очень хорошо, дорогой вы наш Александр Михайлович. Оденьтесь, пожалуйста, и выйдите во двор, Вас там уже ждут. Вы меня поняли?» Соловьев посмотрел в окно, увидел стоящую там «эмку» и ответил: «Да». В трубке глухо засмеялись, и тот же голос мрачно резюмировал: «Вот и отлично. Значит – до скорой встречи». Соловьев положил нагревшуюся в руке трубку на рычаги и, глядя на стоящий во дворе его дома блестящий автомобиль, произнес: «До скорой...»

Александр Михайлович вышел в коридор, надел ботинки на толстой рифлёной подошве, зашнуровал высокие кожаные краги, и неожиданно мягко, по-кошачьи, растянулся в шпагате. Встав на ноги, он взглянул на свое отражение в старинном зеркале с потрескавшейся кое-где амальгамой: из «зазеркалья» на него смотрел крепкий сорокалетний мужчина с обветренным лицом, на котором выделялись умные серые глаза и седая борода-шкиперка. Соловьёв улыбнулся сам себе и, отвернувшись от зеркала, проверил все девять карманов своей потертой брезентовой куртки. Убедившись, что все жизненно необходимые ему вещи находятся на своих местах, он двинулся на выход.

Соловьев подошел к машине и открыл дверцу. Шофер, пожилой мужчина с гладковыбритым лицом и надвинутой на самые глаза кожаной фуражке с маленькой красной звездочкой на тулье, кивнул головой и уважительно, низким голосом, прогудел:

– Здравия желаю, Александр Михайлович. Как, однако, спалось?

– Доброе утро, Егорыч. Спалось мне, однако, чудесно, если бы вы только не приехали в такую рань и не дали досмотреть мне интереснейший сон.

Шофер фыркнул в седые пушистые усы, с ехидцей взглянул на Соловьева и повернул ключ зажигания. Мотор тихо заурчал, ноздрей Александра Михайловича достиг запах бензиновых паров, и он невольно поморщился. Через несколько секунд «эмка» с форсированным двигателем неслась по улицам

только еще начинающей просыпаться Москвы.

В кабинете на Малой Лубянке Соловьева ждали. Начальник девятого спецотдела при ОГПУ – НКВД* майор госбезопасности Сергей Анатольевич Бокун вот уже как целых два дня не находил себе места. Сам товарищ Сталин

вызвал его к себе на беседу. Речь на той встрече шла о многом и, в частности, о богатствах советского Крайнего Севера! Были богатства, которые находились в холодных недрах и ждали отважных советских геологов и рабочих, а были и другие, те, что схоронили от народа в непроходимых заполярных тундрах несознательные и чуждые элементы – шаманы. И шаманские богатства надо было во что бы то ни стало достать и пустить во благо трудящегося населения всей необъятной советской страны. Кроме богатств, наблюдалась в тех холодных краях странная болезнь: ни с того ни с сего люди становились совершенно неуправляемыми, говорили на непонятных языках и наречиях, бились головой о стену и совершали такие убийства, от чего волосы на голове вставали дыбом.

В течение часа лил с Бокуна холодный пот – ох и наслушался он от Иосифа Виссарионовича! Благо живой вышел. А когда вышел, стал думать и вызывать к себе в кабинет нужных людей. Надо сказать, что работа в направлении, на котором заострил свое внимание Иосиф Виссарионович, велась уже давно, правда, безуспешно. Товарищи из ловозёрского НКВД дело все на корню завалили. Первый посланный в тундру отряд чекистов в количестве двадцати трёх человек был лопарями полностью вырезан, а головы убиенных обнаружили потом жители близлежащего от Сейд – озера русского поселения насаженными на свежеебтесанные колья вблизи местного лопарского погоста. Глаза у покойных были вырваны каким-то острым предметом, а на щеках сделаны странные надрезы. Второй отряд чекистов, проплутав по тундре две недели, перебил десяток лопарей-охотников, а заодно с ними их жен и детей, и приволок в НКВД одного из местных шаманов, который, по докладам лейтенанта Бирюкова молчал как немой и тайн никаких выдавать не желал. Бокун решил отправить на Кольский полуостров свою экспедицию, состоящую не из двадцати человек, а всего из двоих. Проверенных.

Настенные часы в кабинете Бокуна показывали семь часов вечера. Пепельница была полна папиросных окурков, на краю стола сгрудились пустые стаканы из-под чая, а в центре стола лежала новенькая, исчерченная красным карандашом, карта Кольского полуострова. Над картою склонились две головы – одна коротко

стриженная, с седым ежиком поредевших за годы революционной и классовой борьбы, волос; вторая – покрытая густыми и длинными вьющимися волосами, выдающая своего обладателя как анархиста – бакунинца или неисправимого романтика, хотя ни то ни другое правдой не являлось. Первая склонившаяся голова принадлежала товарищу Бокуну, а вторая – Александру Михайловичу. Обе головы о чем-то ожесточенно спорили, и красный карандаш, зажатый крепкими пальцами волосатой бокуновской руки, чертил и чертил хищные стрелы, пробивающие с разных сторон голубое тело Сейд-озера. Все Ловозерье, имеющее на карте вид почти правильной подковы, было обведено жирной замыкающейся чертой, при этом было видно, что карандашный грифель в этом месте под напором чекистской руки не выдержал и карту порвал.

– Вот вы, Александр Михайлович, как учёный-эзотерик и страстный исследователь Севера, объясните мне, что же такое эти самые сейды? Откуда они взялись?

– Всё просто, Сергей Анатольевич. Тысячелетия у лопарей Кольского полуострова существовало два религиозных культа, одним из которых являлся культ поклонения богам Верхнего и Нижнего миров, а другим – культ поклонения камням – сейдам. Кстати, многие лопари считают, что эти камни ни что иное, как окаменевшие шаманы-нойды. Вообще, как ни странно, поклонение камням до сих пор достаточно распространено во всем мире. Им поклоняются аборигены Австралии, в Африке, некоторые племена в Южной и Северной Америке, а также индусы.

– А не думаете ли вы, что все народы когда-то поклонялись камням?

– Именно так!

– И что же повлияло на возникновение такого культа на Кольском полуострове?

– Думаю, что в первую очередь влияние оказала сама матушка-природа: суровая и длинная полярная ночь, нескончаемый полярный день и, наконец, тундра с её огромным количеством озёр, болот и огромных гранитных валунов. Всё это вместе взятое очень сильно влияет на человеческую психику, приводя её к приступам, не поддающейся исследованию болезни, – меряченья.

– Да, вот ещё одна серьёзная проблема. Неделю назад в поселении рядом с Сейд-озером, озверевшие лопари, возглавляемые местным, как вы говорите, нойдом, чуть не вырезали специальный отряд госбезопасности, посланный на поиски этого шамана. Отряд этот был по счёту вторым...

– А что стало с первым?

– Головы бойцов обнаружили, насаженными на колья, рядом с шаманским кладбищем у Сейд-озера. Щеки были изрезаны, а глаза – мастерски вырваны. Я думаю, что это какой-то шаманский ритуал. Как вы думаете, Александр Михайлович?

– Вероятно. Мне бы хотелось самому взглянуть на эти головы.

– Очень скоро вы увидите своими глазами и шамана и всё, что он натворил. Так – мы говорили о сейдах. Что еще вы мне можете о них поведать?

– Само слово «сейд» означает любого рода божественность, и по всему Северу имеется очень много мест с корнем «сейд» в названии. В большинстве случаев сейд – это в первую очередь идол для поклонения, жертвоприношения и колдования. По всему Заполярью много различных сейдов, как рукотворных – деревянных и каменных идолов, так и нерукотворных, созданных самой природой валунов, пней и коряг.

– Слушаешь вас, Александр Михайлович, и представляешь Кольский полуостров, прямо таки заваленный этими сейдами.

– Нет, Сергей Анатольевич, совсем не так. Христианские миссионеры, несущие веру в языческие саамские массы, хорошо позаботились об уничтожении идолов, в особенности рукотворных. Уничтожение это длилось в течении нескольких веков, но и сейчас в тундре можно найти рукотворные сейды.

– Интересно, как же они сейчас выглядят?

– Многие сейды представляют собой груды оленьих рогов, уложенных острыми концами вверх, но самый известный сейд – это всё-таки Куйва на Сейд-озере. Он находится в большом почёте у лопарей. Он стоит на северном берегу озера, где

трещины в огромной скале образуют некое подобие человеческой фигуры.

- А как переводится слово «Куйва»?

- «Старик».

- Интересно... - Бокун расслабленно откинулся на спинку стула и, пристально глядя в глаза Александра Михайловича, спросил:

- Как вы думаете, Александр Михайлович, что в первую очередь нужно человеку в экспедиции по заполярной тундре?

- Крепкое тренированное тело, закалённый дух и трезвый расчётливый ум - не раздумывая, отчеканил Соловьёв.

- Это понятно, но я имел в виду несколько иные аспекты.

- Какие же?

- Аспекты, так сказать, человеческого бытия. Точнее - быта в суровых условиях Заполярного круга. Если у вас есть какие-либо определённые требования к снаряжению, провианту и средствам передвижения, мы, по возможности, готовы их удовлетворить.

- В первую очередь начну со средств передвижения - для экспедиции понадобятся лёгкие и крепкие нарты.

- Понятно - Бокун сделал пометку в своём блокноте

- Запас провианта: консервы, сухари, шоколад - для людей и пеммикан - для собак. Также нужна обувь, которая не натирает ног, удобна, тепла и крепка...

- Брезентовые лыжные сапоги вам не подходят? - перебил собеседника Бокун.

- Нет, Сергей Анатольевич, результаты полярных экспедиций показали, что брезентовые сапоги слишком тесные и жёсткие, а они должны быть

просторными и тёплыми.

- Насколько я знаю, наша промышленность такой замечательной обуви пока не выпускает. Что прикажете делать?

- Ничего не прикажу, поскольку над вами командовать не поставлен. Я сам сделаю такие сапоги. Они будут иметь крепкую подошву и удобные широкие голенища.

- Широкие голенища - зачем? - поинтересовался Бокун.

- Чтобы можно было надевать сапоги на несколько пар тёплых чулок.

- Отличные идеи. Вы мне, Александр Михайлович, по возвращению из тундры, сделайте, пожалуйста, эскизы. Мы эти сапоги в производство запустим.

- Хорошо, Сергей Анатольевич. Буду рад способствовать развитию нашего обувного производства.

- Это всё?

- Нет. Серьёзные вопросы вызывают наши арктические палатки.

- Какие же?

- Дело в том, что палатки эти белого цвета, а для них более подходит цвет тёмный.

- Почему? - Бокун с интересом посмотрел на Соловьёва.

- Потому, что тёмная палатка будет поглощать солнечного тепла больше, чем светлая, следовательно, в солнечные дни в ней будет гораздо теплее, чем в белой.

- Действительно, всё гениальное - просто! - воскликнул Бокун, хлопнув себя по лбу широкой и жесткой ладонью - как я раньше об этом не подумал! Что

нужно ещё?

- Нижнее бельё из тёплой фланели.

- Исподнее - не проблема. Обеспечим. Ещё?

- Оружие и патроны.

- Знаю, Александр Михайлович, что имеется у тебя дома американское ружьишко, так я тебе сам к нему патроны выдам.

Бокун выдвинул средний из трёх ящиков стола и выложил на стол четыре пачки оружейных патронов, затем, на секунду задумавшись, достал оттуда же тяжёлый массивный браунинг и положил рядом с патронами.

- А это - лично от меня. Пригодится.

- Спасибо - Александр Михайлович с благодарностью пожал Бокуну руку.

- Я ценю вашу предусмотрительность и надеюсь, что она обеспечит удачу будущей экспедиции, которая очень важна для страны. А сейчас ваша задача разобраться с шаманом и узнать, где эти туземцы спрятали свои реликвии и золото. Если надо, шамана берите в проводники, пусть послужит советской власти!

- А если он не пойдет?

- Жить захочет - пойдет!

- Против ваших аргументов, Сергей Анатольевич, я не могу выставить какую-либо защиту. Действительно, говорите вы совершенно правильно, а если шаман жить не захочет, тогда что?

Бокун исподлобья посмотрел на Александра Михайловича.

- Тогда - жить захотите вы.

– Весомо. Что еще поведуете, благодетель вы мой?

– Не надо ерничать, Александр Михайлович, так как дело вам доверяется государственной важности, и будьте любезны вести себя подобающим образом!

– Я весь во внимании.

Бокун удовлетворенно покачал головой.

– Вот что еще я хочу вам сказать: я вижу наш грешный мир также, как и вы. Мир – это огромная информационная система, подчиненная своим, мировым законам и правилам. Если эти законы узнать, то можно будет манипулировать действиями всех стран и народов. Победа в любой войне, даже с самым сильным противником, будет нам полностью обеспечена. Информация и ещё раз информация! Знаете ли вы, что в мире существует некое тайное общество, которое проповедует своё древнее учение и ведёт скрытую войну по тотальному завоеванию мира?

– Нет – ответил Александр Михайлович и потянулся к лежащей на столе коробке с папиросами.

– Так вот, ещё в доисторические времена существовала некая очень развитая цивилизация, которая по неустановленным причинам погибла. Общество этой самой цивилизации проповедовало коммунизм...

Соловьёв удивленно поднял брови.

– ... да-да, не удивляйтесь, уважаемый, коммунизм. К тому же цивилизация эта обладала просто фантастическими техническими достижениями, такими, что нам и не снились!

– Неужели никого из них не осталось?!

– В том-то и дело, что очень немногие из них выжили и в течение десятков тысячелетий вынуждены скрываться в горах Тибета, Индии, Афганистана и – Бокун сделал небольшую паузу и продолжил – на Кольском полуострове!

«Я же предполагал это!» – подумал Соловьёв, а Бокун тем временем продолжал:

– Все научно-технические знания той цивилизации они хранят по сей день в глубокой тайне, которая тщательно ими оберегается.

– Почему же они не делятся своими знаниями со всем остальным человечеством?

– На то, уважаемый Александр Иванович, есть несколько причин, одной из которых является католическая церковь, возглавляемая Римским Папой. Церковь на протяжении всей истории её существования преследовала остатки этого древнего общества и почти всех их уничтожила. В настоящее время тайные агенты Папы пытаются найти и умертвить тех немногих, оставшихся в живых. Знаете ли вы, что египетские жрецы, к примеру, две тысячи лет хранили знания, полученные от людей, которые принадлежали к той исчезнувшей цивилизации?

– Нет. А какие секреты они хранили?

– Жрецы хранили законы планиметрии, монополию на гальванопластику и секрет электрической батареи! Вы, например, знаете секрет гибкого минерального стекла?

Соловьёв отрицательно покачал головой.

– Вот и я не знаю! А хотелось бы.

– Если уж мы с вами, Сергей Анатольевич, начали такой интересный разговор, то я скажу вот что: мир, окружающий нас с вами, сотворён в полном соответствии с нашими собственными мыслями. Именно поэтому он так жесток и кровав.

– Неужели? – Бокун саркастично улыбнулся, закинул ногу на ногу и поудобнее устроился на стуле.

– Да, это так. В мозгу каждого человека имеются определённые состояния сознания, которые называются коренными предположениями.

– Это телепатические состояния сознания?

- Верно - телепатические. При помощи этих состояний вокруг каждого из нас образуется соответствующее физическое окружение...

- Но это же галлюцинации! - перебил Александра Михайловича Бокун - шизофренический бред!

- В принципе - да, но в настоящем времени это и есть наша действительность, законам которой мы подчиняемся и в рамках которой мы живём. Думаю, вам известно, что мир, в котором жили наши древние предки, существовал изначально в мысли.

- Да-а - протянул Бокун - вы, стало быть, отрицаете философию Гегеля и Фейербаха и говорите, что первична не материя, а - мысль?!

- Отчего же - улыбнулся Александр Михайлович - первична была материя - материя снов, из которой впоследствии и был создан весь этот мир. Могу сказать больше, британский учёный Джордж Мартин в течение тридцати лет занимался этой проблемой и вывел свою гипотезу так называемых «бункеров Мартина»: «Вселенная в целом может оказаться микроскопической частицей. Микроскопическая частица может содержать в себе целую Вселенную».

- Почему - «бункер»?

- Всё просто. Одно из значений слова «бункер» это - «вместилище».

- Тогда ещё один вопрос - это микроскопическая частица или может быть что-то другое?

- Может быть и другое. С древних времён африканским, индейским и австралийским шаманам, достигшим высшей ступени в иерархии, вшивали под правую лопатку металлические шарики...

- Золотые? - перебил Бокун.

- Нет, этот металл был загадочного происхождения. Точнее сказать - космического. Некоторые из этих шариков неизвестными путями иногда попадали к европейским и американским исследователям, но ни в одной

лаборатории мира опыты над «бункерами» не дали никаких результатов – их невозможно было ни распилить, ни расплавить, ни растворить в кислоте, а, следовательно, и узнать – что же там внутри. Кстати, среди шаманов ходит легенда: человек, собравший девять таких шариков, превращается в Абсолютное Божество, которое правит Вселенной. Британец Мартин предположил, что в одном таком маленьком «бункере» может существовать огромная звёздная система, неизвестная цивилизация или галактика...

– Я думаю это возможно... но – как это доказать?! – глаза Бокуна заблестели.

– Мартин утверждает, что с помощью сущности, которую он придумал и назвал «Фантом Джи», может проникнуть в любую точку Вселенной и потом рассказать о том, что там происходит.

– И что же «Фантом» рассказал о шаманском «бункере»?

– «Фантом Джи», пролетев от центра Вселенной, находящейся в «бункере», макроскопические расстояния между галактиками, достиг бы такой точки, где мир «бункера» связан с другим – внешним миром.

– Каким образом?

– Допустим, из одной сферы в другую ведёт некая горловина...

– Так-так – Бокун потерев пальцами мочку уха.

– «Фантом», вылетев из этой горловины, обнаруживает удивительную вещь – снаружи Вселенная «бункера» представляет собой простой металлический шарик!

На пять долгих минут в кабинете майора Бокуна воцарилась гробовая тишина. Майор положил ладони на колени и склонил голову на грудь. Было видно, что он о чём-то напряжённо думает. Александр Михайлович, воспользовавшись паузой, налил себе в стакан холодного чая и, сделав добрый глоток, уставился в свежепобеленный потолок. Наконец Бокун выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда... синий блокнот Александра Михайловича!

– То, что вы рассказали, крайне занятно, но мне бы хотелось поговорить ещё кое о чём – произнёс Бокун.

– Как попал сюда мой блокнот?! Вы не имеете права! – начал было Александр Михайлович.

– Имеем, вы же прекрасно это знаете – Бокун сделал останавливающий жест рукой – вы посидите спокойно и послушайте, а я вам кое-что зачитаю.

– Да, возражать вам в данном случае смерти подобно – удрученно проговорил Александр Михайлович и закурил папиросу.

Бокун перелистал страницы блокнота, почесал переносицу и начал читать:

– «Человек может выделять свое астральное тело и путешествовать в нем к любому пункту на земле, причем, опытные оккультисты при наличии благоприятных обстоятельств могут делать это по своему желанию»...

Бокун прервал чтение, взглянул на спокойное лицо Александра Михайловича и продолжил:

– Весь текст перечитывать не буду, лишь позволю себе процитировать короткую заметку на полях: «Каждый человек может развить в себе способность к выходу из физического тела. Выходы, происходящие произвольно, бывают спровоцированы тяжёлыми травмами, чрезмерными дозами анестезии при проведениях операций, употребления различных видов наркотиков и глубокого расслабления под влиянием гипноза».

– Вышесказанное не даёт покоя многоуважаемому оппоненту?

– Да. А вы, кстати, готовы пойти на эксперимент? Готовы выйти из своего тела и отправиться в неизвестность?

– Готов! – ни секунду не колеблясь, ответил Александр Михайлович, – а вы можете это сделать?

- Этого, дорогой, я и сам вам сказать не могу – хитро прищурился Бокун – вас должно обрадовать только одно...

- Что же? – удивился Александр Михайлович.

- Я постараюсь всегда быть рядом с вами.

- Вы тоже хотите участвовать в эксперименте?!

- Да, хочу, так сказать испытать всё на своей шкуре. Хочу научиться читать мысли противника на расстоянии, выходить в астрал, в пространство и время, и вести там войну с врагами нашего государства, посредством одного только взгляда снимать информацию с человеческого мозга – цели великие, не правда ли, Александр Михайлович?

- Действительно, но при чем тут шаманские сокровища?

- Ну-у, дурака-то строить не надо, вам это совершенно не идет. Вы прекрасно понимаете, что шаманские практики могут приблизить нас к цели, и очень существенно. А сокровища – это так, «крыша». Хотя, лишние деньги нашему государству не помешают.

- Даже если они политы кровью ни в чем не повинных людей?

- Да, Александр Михайлович, и еще раз – да! А ни в чем не повинных людей, как вы изволили выразиться, в природе не существует. Вот так. Я просто уверен, что все составляющие человеческой жизни находятся в постоянном равновесии. Если кто-то двигается в данный момент на север, то, определённо, кто-то двигается и на юг. По такому же принципу уравнивается и система «Добро-Зло».

- Как? Расстрелами?!

- Отнюдь. Вы, Александр Михайлович, по сути своей философ и должны понимать, что всякое зло содержит в себе определённое количество невыявленного добра, равно как и само добро содержит в себе определённое количество невыявленного зла. В каждом из нас любовь к жизни и желание

продолжить свой род сосуществует одновременно с жестокой и разрушительной агрессией.

Бокун замолчал, устало подпер рукой подбородок и внимательно посмотрел в глаза Александру Михайловичу. Соловьев взгляд этот тяжелый выдержал, а потом уже сам пошел в атаку.

– В человеческой психике есть один аспект – это архетип власти, который принимает участие в создании нашего мира. Если не будет этой воли, человечество непременно ожидает гибель. Но – когда воля к власти находится в балансе с некими положительными энергиями, она создаёт новую цивилизацию...

– Допустим, что равновесие нарушено. Что тогда?

– Тогда цунами отрицательной энергии данного архетипа сносит на пути всё живое!

– К чему вы клоните, Александр Михайлович? Вы против режима Советской власти?

– Вы прекрасно меня понимаете, Сергей Анатольевич. Ведь вы сами видите, что обыкновенная человеческая осторожность развивается сейчас у каждого первого в манию преследования!

– Вы говорите о нашем государстве?

– Да. О государстве, которое превратилось в огромную по своим размерам тюрьму, в котором вместо обучения присутствует муштра и зубрежка, а контроль за каждым жителем государства становится диктатурой! Мы теряем связь с положительной энергией, которая изначально живёт внутри нас самих, а вместе с ней мы утрачиваем способность сознательно что-либо выбирать! А ведь человек – это, как вы знаете, есть душа, которая способна выбирать свои, именно свои, а не навязанные ей кем-то пути!

– А не кажется ли вам, уважаемый, что на протяжении тысячелетий все властители защищают свои властные структуры и давят одиночек, которые идут

своими путями, игнорируя приказы официальных чиновничьих аппаратов? И вообще – вся человеческая история – это история борьбы между тотальным контролем и потребностью изменяться и открывать что-то новое. Всегда, вы слышите, всегда любая государственная система поддерживалась и будет поддерживаться насильственными методами!

– А как же ваше древнее общество, проповедующее коммунизм, равенство и братство?

– Именно из-за этой политики оно в настоящее время почти уничтожено.

– Интересно, вы значит тоже против Советской системы? Вы, человек, который поставлен для того, чтобы охранять всё «завоёванное народом»?

– Однако, вы каверза, Александр Михайлович! Такие, как вы, держат власти в подсознательном страхе, перед разрушением всего привычного, известного и безопасного. А страх этот может вылиться в обыкновенное убийство: «Нет человека – нет проблем». Вероятно, слышали эту знаменитую фразу?

– Слышал и не раз – угрюмо ответил Александр Михайлович.

– Вот и славно. Я вас не для того с постели в четыре утра поднял, чтобы к стенке потом поставить. Мне нужен живой и здоровый Александр Михайлович Соловьёв, и я надеюсь на долгое и плодотворное с вами сотрудничество. Вы мне ничего не говорили, а я ничего не слышал. Договорились?

– Да – тихо выдохнул Соловьёв.

– Отлично. Вам сутки на сборы. Возьмите с собой самое необходимое. Говорить кому-либо о вашей миссии не надо. Полетите завтра вечером с военного аэродрома, там же и с напарником своим познакомитесь.

Соловьёв удивленно поднял брови.

– Мне непонятна такая спешка, Сергей Анатольевич.

Бокун ухмыльнулся, и его лицо превратилось в маску, изрезанную шрамами жизненных испытаний и невзгод.

– Это не спешка, Александр Михайлович. Спешка происходит при ловле блох и при прелюбодеянии с чужой женой, а у нас – быстрота и натиск!

Бокун протянул Соловьеву руку, Александр Михайлович нехотя пожал ее, повернулся и направился к выходу. «За вами, естественно, заедут» – услышал он, уже выходя, хрипловатый голос начальника спецотдела.

Когда Соловьёв покинул кабинет, Бокун запер дверь на замок, уселся в кресло и, нашарив под толстой столешницей потайной рычажок, выдвинул из стола небольшой металлический сейф с кодовым замком. Он набрал, известный только ему код, открыл крышку сейфа и достал оттуда коробочку из эбенового дерева. Положив коробочку на стол, Бокун открыл крышку – внутри, на выстеленном красным бархатом дне, лежал «бункер» – металлический шарик с проточенными в нём глубокими насечками, образующими сложный геометрический узор! Майор посмотрел на «бункер» и вспомнил, как в недалёком 1930 году один из членов АН СССР имел неосторожность читать студентам МГУ лекцию на тему «Пространство и время». В лекции той было упомянуто и о фантастических путешествиях в прошлое и будущее. В качестве доказательства лектор продемонстрировал студентам небольшой шарик из блестящего металла. На следующий день после этой лекции академик внезапно скончался у себя в кабинете от сердечного приступа, а «бункер» и толстая рукопись об исследованиях перекечевали в сейф Бокуна. Так майор получил бесценные знания и первый артефакт.

Бокун задумчиво повертел шарик в руке, разглядывая непонятный узор, затем положил его обратно в коробочку, а коробочку спрятал в сейф. Немного погодя он поднял телефонную трубку и вызвал к себе Льва Юльевича Плоткина.

Лева Плоткин был связан с Бокуном тайными узами ещё с 1925 года, когда он под именем Аль Газали командовал взводом эмирской гвардии в Афганистане. Свою командную деятельность Лёва «Аль Газали» совмещал с разведывательной. В январе 1929 года Лёва покинул Кабул, занятый повстанцами Бачаи-Сакао. В Советский Союз он попал только в апреле того же года с уцелевшими бойцами из отряда Рагиб-бея – Примакова* (Виталий Маркович Примаков – советский военный атташе в Турменистане, командир отряда, вторгнувшегося на территорию Афганистана 14 апреля 1929 года «для

оказания помощи братскому народу»).

Лёва был отличным бойцом-рукопашником, превосходно владел холодным и огнестрельным оружием, а также являлся талантливым изготовителем различных ядов. С Александром Михайловичем он должен был ехать, как специалист, закончивший химико-биологический факультет Ленинградского университета.

Александр Михайлович был доставлен домой в десять часов вечера. Попрощавшись с Егорычем, он быстро поднялся по лестнице на второй этаж, открыл дверь и вошел в квартиру. В квартире было прохладно. Александр Михайлович прошел на кухню, уселся на старинный резной стул и закурил.

Выпустив изо рта тонкую струйку сизого дыма, Александр Михайлович погрузился в воспоминания.

В течение трёх тёплых дней, с 17 по 21 мая 1915 года на немецких позициях у Воли Шидловской под Болимовом, казалось, ничего не происходило. Разведчики, ходившие ночью за «языком», никого не привели, но докладывали, что «немчура всё роет ямы и закапывает в землю какие-то бонбы». Командование русских никакого значения этому донесению не придало.

Когда в землю был врыт последний, двенадцатитысячный, баллон, наполненный сжиженным хлором, командующий девятой армией немцев генерал Макензен потёр руки и велел командирам двух газовых полков докладывать ему три раза в сутки о возможности губительной атаки на позиции русских. Ждать пришлось десять дней. В три двадцать утра, 31 мая 1915 года, командиры немецких газовых полков отдали приказ начать атаку.

Сотни проворных солдатских рук одновременно крутанули вентили металлических, врытых в землю, цилиндров и клубы ядовитого хлора, подгоняемые холодным утренним ветром, медленно поплыли из длинных резиновых шлангов, направленных в сторону русских позиций.

Вольноопределяющийся Соловьев сидел в глубоком окопе, смотрел на розовеющее небо и думал о том, что когда-нибудь эта война закончится, и все люди займутся созданием нового, счастливого мира.

Соловьев осторожно поднялся и любовно похлопал по кожуху «Виккерс», стоящий на треноге, вкопанной в бруствер – он знал, что пулемет, сделанный английскими мастерами провинциального Энфилда, его не подведет. На передовой линии фронта уже целую неделю было тихо. Германцы чего-то выжидали, поэтому вместе с мечтами о чудесном будущем в душе Соловьева бродила смутная тревога. «Правду, наверное, говорят, что самый поганый страх – это страх перед неизвестностью» – подумал он и выглянул из окопа. Легкий ветерок подул Соловьеву в лицо, и он увидел, как этот легкий приятный ветерок несет с германских позиций большое зеленоватое облако. «Опять немчура выкобенивается со своей маскировкой...» – загудели солдаты и, протирая руками глаза, окончательно стряхивали с себя сонную одурь и готовились к первой за неделю германской атаке. Один из офицеров, увидев облако, запоздало прокричал: «Газы!!! Зажечь костры Надеть повязки»!!! Противогазы на позицию должны были подвезти только сегодня вечером, и потому их ни у кого не было. Проснулся второй номер пулеметного расчета – Сергей Бокун, спящий сидя на дне окопа. Бодро вскочив на ноги, он с хрустом потянулся, достал кожаный портсигар и принялся рыться в карманах в поисках зажигалки.

– Слышь, Сань, дай пожалуйста зажигалку, а то моя куда-то, стерва, запропастилась.

Соловьев заморожено смотрел на приближающееся к позициям облако.

– Какая к чертям собачьим зажигалка! Ты лучше перед собой посмотри! Видишь?!

Бокун поднял голову и недовольно посмотрел на облако.

– Ну и что здесь такого? Напустят дыма, а потом в атаку попрут, к гадалке не ходи!

Соловьев ответить ему ничего не успел – зеленоватый дым завис над окопами и одновременно с этим, германцы открыли ураганный огонь изо всех видов

оружия. Соловьев вдруг почувствовал едкий запах и резь в глазах. Газ обжег глотку и колючим шаром покатился в желудок, раздирая грудь и выворачивая наизнанку внутренности. По запутанному лабиринту окопов носились с воплями проклятий людские тени в серых шинелях, которых косила с визгом шрапнель, и длинные пулеметные очереди, пущенные в этот крошечный ад с немецких позиций, вырывали клочья кровавой отравленной плоти и бросали изуродованные людские тела на изрытую снарядами землю.

Соловьев упал на колени, рядом с ним на дне окопа, захлебываясь в собственной блевотине и дико выпучив налитые кровью глаза, сотрясался всем телом Бокун. В затуманенном страхом мозгу вольноопределяющегося промелькнуло: «Вода!». Он вслепую нашарил флягу, висящую на поясном ремне, сорвал ее с ремня и дрожащими пальцами отвинтил крышку. Из кармана шаровар выудил белый носовой платок, разорвал на две части и поочередно смочил оба куска ткани водой. Одну половину мокрого платка приложил к лицу Сергея, вторую прижал рукой к своему носу и глазам. Пульс, бешено стучащий в голове, казалось, отсчитывал последние минуты жизни вольноопределяющегося Соловьева.

В течение часа ветер снёс остатки ядовитого газа с русских позиций и загнал их в небольшие низины, расположенные неподалеку от леса. Газ свое дело сделал, и теперь в атаку пошла немецкая пехота. Дальнейшее Александр Михайлович помнил смутно, почти ничего не видя, стрелял он из пулемета по приближающимся человеческим фигурам, потом полз среди трупов назад, в тыл и тащил за собой безжизненное тело Сергея. Очнулся вольноопределяющийся только в полевом госпитале. Бокуна рядом не было.

Военно-врачебная комиссия признала Александра Михайловича к военной службе не годным, и он вернулся домой, в Москву. Через два года в местных оккультных кругах его знали, как выдающегося теософа, спирита и гипнотизера.

Темный омут загадок человеческой психики затягивал Соловьева все глубже и глубже. Он совершил экспедицию на Кольский полуостров. Появилась своя исследовательская лаборатория под патронажем Академии наук, вышло несколько научных трудов, Соловьев уже подумывал о продолжении исследований заполярной тундры, но наступил октябрь семнадцатого года, и все покатило в пропасть. Какая тут тундра! Летели с плеч умные и светлые головы, попавшие под тяжелый топор революции. Мозолистая рука пролетария, направленная изощренными мозгами обиженного монархией интеллигента, жалости не знала.

Газеты, журналы, плакаты и стены домов вылёвывали в народные массы страшные по своему смыслу лозунги: «Смерть капиталистам!»; «Смерть буржуазии!»; «Смерть наёмникам англо-французского капитала!»; «Зададим кровавый урок буржуазии!»; «Пуля в грудь всякому, кто враг рабочего класса!» и множество других, очень друг на друга похожих, где основными словами были «буржуазия» и «смерть»!

Дождливый сентябрьским вечером 1918 года к дому, что стоял в Левшинском переулке и отличался от всех других оригинальностью конструкции балкончиков и крыши подъехал небольшой грузовик «Прага». Из кабины грузовика бодро выпрыгнул низкорослый кривоногий мужчина в кожаной куртке и постучал по борту кузова:

– Вы что, товарищи, уснули?! Ну-ка, быстро ко мне!

Из кузова тяжело прыгнули на землю двое «товарищей» в длинных шинелях. Их узкоглазые лица, говорящие о принадлежности к китайской нации, действительно были заспаны. В руках оба держали «трёхлинейки» с примкнутыми штыками.

– Виновата, товалиса Пилеска! – громко взвизгнул один из китайцев.

– Тише, товарищ Линь – прошипел мужчина и закрыл китайцу рот широкой и влажной от пота ладонью – тише. Нам этого офицера-колдуна надо взять, как товарищ Бокун приказал – без лишнего шума!

Китаец понимающе закивал головой.

Все трое зашли в подъезд, поднялись на второй этаж, где мужчина остановился напротив двери с номером «8» и негромко, но настойчиво в неё постучал.

Александр Михайлович сидел за столом и просматривал свои дневниковые записи, сделанные им летом 1917 года в экспедиции на Сейд-озеро.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА.

18 июля 1917 года

...На подходе к Сейд-озеру обнаружили большой прямоугольный гранитный камень. Работа просто ювелирная. Компас показывает, что камень ориентирован на стороны света. За камнем – небольшая древняя просека, ведущая к озеру. Доходим до конца просеки и видим ещё один точно такой же камень! С этого места открывается потрясающий вид на Сейд-озеро и Ловозеро. Виден Роговой остров, на который, как говорит лопарь-проводник Трифон Данилов, может ступить только нога шамана. На острове имеется сейд в виде груды оленьих рогов – если шаман пошевелит хотя бы один из них, на озере поднимется страшная буря!

На крутом и скалистом берегу Сейд-озера мы увидели огромный рисунок – это Куйва. Решаем переночевать сегодня на берегу в одном из лопарских чумов, а завтра взять лодку и подъехать к скале. Очень занятно – каким образом сделан такой огромный рисунок?

19 июля 1917 года

Давать нам лодку лопари отказались наотрез: «Туда нельзя!!!» Я не стал с ними спорить. Собираем вещи и отправляемся в пеший переход от Ловозера к Сейд-озеру. Тем более что туда ведёт дорога, вымощенная гладкими древними камнями!

21 июля 1917 года

...В ущелье горы Нинчурт мы обнаружили руины древнего города. Очистив одну из каменных плит, мы увидели странный знак в форме трезубца и цветка, похожего на лотос! Откуда лотос в Заполярье?! Одно из сооружений, пятнадцатиметровый желоб с двумя визирами, явно напоминает древнюю обсерваторию.

Вырубленные в скале ступени, ведут к четырем плато, размеры которых сто на сто метров. Плато соответствуют сторонам света и расположены в форме креста. На каждом из плато мы увидели хорошо сохранившиеся древние пирамиды. Высота каждой из них достигает пятидесяти метров...

Древние египтяне говорили так: «Кто владеет пирамидами – тот владеет Миром». Исходя из этого, можно предположить, что пирамиды являются

древнейшим, самым мощным и страшным видом оружия, которое обладает невероятным энергетическим потенциалом! Интересно то, что все эти древние сооружения расположены около воды. Думаю, что человек, главным образом состоящий из воды соответственно через воду и воспринимает огромное количество информации, как положительной, так и отрицательной. Вода – это естественный посредник между психикой человека и его физическим телом. Она может впитывать, а затем долгое время хранить эмоции и мысли миллионов людей.

Пока – это лишь моё предположение, но уверен – пройдут годы, и предположение это будет доказано. Если не мною, то кем-то другим...

...временами нас охватывает просто животный страх – каждый видит одно и тоже – горящего красноглазого шамана с искажённым от дикой злобы лицом. Он кричит одно только слово: «Дженга!», а из открытого рта его расползаются в разные стороны шипящие белые змеи. Мороз по коже дерёт!

24 июля 1917 года

Рядом с озером имеется вход в подземелье, заваленный прямоугольными камнями. Попытались расчистить завал, в результате чего все участники экспедиции были внезапно парализованы и пролежали на земле двенадцать часов. Меня постоянно не покидает ощущение де жа вю. Мне кажется, что я не первый раз в этих местах и всё мне хорошо знакомо, даже лицо шамана. Может быть, в иной жизни и иной ипостаси, про которые я ничего не знаю, судьба уже давала мне возможность побывать в этом неизведанном и страшном краю...»

Услышав стук в дверь, Александр Михайлович быстро закрыл блокнот, подошёл к окну и, нащупав внизу подоконника небольшую кнопку, сделанную в виде шляпки гвоздя, нажал. Часть подоконника медленно отодвинулась, открыв взгляду Александра Михайловича чистенькую нишу, в которой лежали два георгиевских креста, небольшой браунинг и толстая пачка рукописных листов. Александр Михайлович положил блокнот в тайник и опять нажал на кнопку. Проделав это, он пошёл открывать дверь.

– Соловьёв? Александр Михайлович? – поигрывая наганом, задал вопрос незнакомец.

– Да. – Александр Михайлович с иронией посмотрел на двоих «китайских товарищей» за спиной незнакомца.

– А кто вы такой? Чем могу служить?

Мужчина спрятал наган в кобуру и, отодвинув рукой Александра Михайловича, шагнул в коридор. Китайцы, крепко держа в руках трёхлинейки, остались стоять у двери.

– Зовут меня Юрий Николаевич, фамилия – Пилецкий. А служить, Александр Михайлович, в данный момент нам ничем не надо. Это вы перед царём выслуживались. Одевайтесь, поедете с нами.

– А в чём, собственно, я обвиняюсь? – тихо спросил Александр Михайлович.

– В антисоветском заговоре офицеров – «левшинцев» – с ухмылкой отбарабанил Пилецкий.

– Непонятно – пожал плечами Александр Михайлович – вы что, со всего Левшинского переулка людей забираете?!

– Обязательно! – рявкнул Пилецкий, одарив Александра Михайловича одной из своих самых обаятельных улыбок.

– Не понимаю: при чём тут переулок?! Может быть, этот заговор получил название по фамилии, так сказать, его автора? То есть, извините, организатора?

– Собирайтесь, господин Соловьёв, собирайтесь.

– А как же квартира? У меня здесь хранятся уникальные экспедиционные материалы, рукописи?

– Квартиру вашу мы сейчас опечатаем – никто не зайдёт! – проворковал Пилецкий и, поймав на себе вопросительный взгляд Александра Михайловича, закончил – а обыск мы потом сделаем – ни к спеху.

– Замечательно! – произнес Александр Михайлович, надел свою куртку со множеством карманов и вышел на лестничную площадку.

– А ключ? – деловито осведомился у Александра Михайловича Пилецкий и протянул к нему раскрытую ладонь.

– Вот – Александр Михайлович отдал ключ Пилецкому. Тот быстро провернул ключ в замке, наклеил на дверь бумажку с лиловым штампом московской ЧК и, взяв Соловьёва под руку, повёл его по ступенькам вниз. Китайцы, с винтовками наперевес, последовали за ними. Так Александр Михайлович попал в Бутырку.

Ночью арестованных выводили в маленький глухой дворик и убивали выстрелом в затылок, а ранним утром к подвалу подъезжал грузовик, полупьяные палачи деловито загружали его трупами и отправляли в известный только им район захоронения, который находился где-то неподалеку от Москвы. Грузовик этот медленно утюжил своими шинами улицы города, а из щелей в растрескавшихся бортах медленно текла на мостовую вязкая темная человеческая кровь. Господь арестантам в ту пору помогать не хотел, тем более что перед казнью нательные кресты, висящие на кожаных гайтанах, золотых и серебряных цепочках или просто на тонких замусоленных веревочках, палачами срывались и бросались в отдельную старую шайку, принесённую кем-то из близлежащей бани.

Три дня провёл Александр Михайлович в камере, битком набитой офицерами. Каждый вечер дверь в камеру открывалась, и входил жилистый горбун с длинными, висящими по колено, руками. Горбуна звали Олег Захрипка и был он профессиональным палачом. Захрипка ставил посередине камеры обшарпанный табурет, садился на него и, степенно закурив папиросу, начинал очередной рассказ: «Я, граждане контрреволюционеры так вам скажу, что кавалер Георгиевский нынче хилый пошёл. Вот, к примеру, поручик Анохин ваш – я ему губы отрезаю, а он – плачет! Где ж это видано, чтоб Георгиевский кавалер плакал?! Я ему тогда и нос отбрил. Кровищи цельный таз натекло – тут уж не до слёз. Ну, ты у меня ещё поживёшь, думаю, кавалер. Кожицу ему с рук ободрал очень даже аккуратно. Ясное дело, ногти немного молоточком поотбивал. Потом снял с него портки и ялду – под корень! Вместе с яйцами! Смотрю на него, болезного, и вижу – уши-то ещё не отрезаны. Режу ухо медленно-медленно, а он, паскуда уже и не дышит! Вот такой нынче Георгиевский кавалер пошёл»...

Рассказы такие длились, порой, часа по три, возбуждая у присутствующих в камере рвотные позывы и огромное желание покончить жизнь самоубийством. Захрипко, насладившись произведённым впечатлением, бросал на пол пачку папирос и с удовольствием наблюдал, как дерутся за неё «господа офицера». Когда палач уходил, в камере воцарялась гробовая тишина, лишь изредка нарушаемая покашливаниями и тяжёлыми вздохами заключенных.

Ночью третьего дня два мордатых чекиста забрали Александра Михайловича из камеры и повели в подвал. «Жаль, что не попаду более домой – подумалось Соловьёву – у меня ведь там, в столе, осталась жестянка чудесного турецкого табаку...»

В подвале на скользком от крови полу лежало ничком с десяток трупов в исподнем, и царил запах скотобойни. Александр Михайлович тупо посмотрел на дорогие шелковые кальсоны одного из убиенных и, почувствовав под лопаткой холодное дуло винтовки, услышал команду: «На колени»!!! Александр Михайлович встал на колени рядом с трупами и закрыл глаза. Над ухом глухо лязгнул ружейный затвор. «Вот и всё – подумал Александр Михайлович – глупо как-то»...

Ожидаемого выстрела не последовало. Александр Михайлович услышал за спиной чьи-то быстрые шаги и властный голос:

– «Отставить расстрел! Совсем нюх потеряли?! Я вас сейчас самих к этой стенке поставлю»!

Голос принадлежал не кому иному, как Сергею Анатольевичу Бокуну.

Александр Михайлович открыл глаза, поднялся с колен и попал в объятия своего фронтового друга. Мордатые чекисты, опустив винтовки, с изумлением наблюдали эту, непонятную их разуму, картину.

Бокун добро помнил: вытащив фронтового товарища из подвала, он при помощи своих связей с влиятельными партийными деятелями, вернул Соловьёву лабораторию и выбил немалые субсидии на дальнейшие научные изыскания в сфере таинственного и неизведанного. Попросту говоря, стал Александр Михайлович заниматься экстрасенсорикой, парапсихологией и различными аномальными явлениями, имеющими место на огромной территории РСФСР,

а потом уже и всего Советского Союза.

Соловьев воспрянул духом и с головой окунулся в работу. Он проводил многочисленные опыты и семинары, писал научные труды, которые с пометкой «Для служебного пользования» оседали потом на полках архива НКВД, и мечтал об экспедициях. Разрешений на экспедиции не было.

Встречались они с Бокуном с тех пор редко, но Александр Михайлович все эти годы чувствовал, что живет как – бы под невидимым прозрачным колпаком. Колпак этот, ограждая его от жестокого мира, в то же время не давал ему проникнуть за его пределы и осуществить задуманное. За время нечастых бесед у бывших однополчан сложился определенный стиль общения: обращались они друг к другу уважительно, по имени отчеству, в душу чужую не лезли, и каждый из них знал, что обязан другому жизнью, но может наступить такой момент, когда боевое прошлое не сможет послужить надежной защитой от смутного настоящего.

Александр Михайлович собрал в объемистый брезентовый мешок все, что ему было необходимо: маленький топорик, крепкий альпинистский трос, теплое белье, металлический трофейный термос, блокнот для записей, коробку карандашей, упакованные в непромокаемый пенал спички, жестяную банку с черным чаем, литровую флягу с чистейшим медицинским спиртом и фотоаппарат. В отдельных маленьких мешочках нашли свое место пряности, которые Александр Михайлович очень уважал и никакой еды без них просто не мыслил. Браунинг, подаренный Бокуном, был определён в специальный потайной карман. Последней вещью, взятой Александром Михайловичем на далекий Север, стал хорошо заточенный финский нож, заботливо уложенный хозяином в чехол из оленьей кожи.

Короткий ноябрьский день пролетел незаметно. Александр Михайлович лег спать, и всю ночь снился ему белый орел, распростерший свои огромные крылья в ненастном и свинцовом от туч небе. Ранним утром Егорыч домчал Соловьева на военный аэродром и, пожелав «ни пуха, ни пера», уехал. Соловьев с грустью в голосе послал Егорыча к черту и, после строжайшей проверки документов на контрольно-пропускном пункте, прошел на огороженную колючей проволокой

территорию аэродрома. Рядом с КПП стоял, одетый в короткую куртку из чертовой кожи, низкорослый крепко сбитый брюнет и внимательно смотрел на Соловьева. У ног брюнета лежал точно такой же брезентовый мешок, как и у Александра Михайловича. Брюнет пружинисто шагнул навстречу Александру Михайловичу и протянул для приветствия руку

– Здравствуйте, Александр Михайлович! Меня зовут Лев Юльевич Плоткин. Можно – просто Лева.

– Здравствуйте, Лев Юльевич, рад познакомиться – произнес Александр Михайлович, посмотрел в глаза своего новоиспеченного напарника и понял, что ничего хорошего от этого человека ждать не следует.

Лева с легкостью поднял с земли свой мешок и, сделав Александру Михайловичу пригласительный знак рукой, первым направился к стоящему на взлетной полосе тяжелому бомбардировщику ТБ—3. Александр Михайлович чертыхнулся про себя, поправил лямки мешка и пошел вслед за Плоткиным. Так началась его вторая дорога в загадочный мир неведомого и холодного Севера.

ФЕВРАЛЬ 1935 ГОДА. КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ. ЛОВОЗЕРО.

Обнаженный труп шамана лежал на металлическом столе. Рядом со столом стоял Александр Михайлович, а чуть поодаль – доктор, капитан Бирюков и Плоткин. Александр Михайлович несколько раз обошел вокруг стола и, наконец, остановился у шаманского изголовья.

– Скажите, пожалуйста, Станислав Германович, когда скончался этот несчастный?

Доктор приподнял очки, почесал переносицу и, бросив опасливый взгляд в сторону стоящего в полуметре от стола Плоткина, с деланной скорбью в голосе, произнес: «Этот несчастный человек, как вы, Александр Михайлович, изволили заметить, скончался вчера вечером, прямо перед самым вашим приездом. Такая жалость, Александр Михайлович, такая жалость»!

Плоткин сделал вид, что изучает трещины на заиндевевшей от холода стене, а сам в это время ловил глазами все телодвижения доктора, анализируя их, раскладывая по полочкам и создавая в мозгу картину действий этого пожилого

краснолицего человека. Картина действий получалась неприглядная, так как Лева понимал, что доктор отчаянно врёт и многое от них скрывает.

– А скажите, Станислав Германович, что послужило причиной смерти?

Доктор на секунду замешкался, достал из халата платок, трубно высморкался и, глядя в глаза Александру Михайловичу, ответил:

– Причиной смерти, Александр Михайлович, послужил банальный сердечный приступ. Р-раз! И – нет человека! А шаман этот уже в годах был и, вероятно, очень слабого здоровья. А тут, батенька, понимаете ли, Север! Нет здоровья – нет, стало быть, и жизни. А, впрочем, без здоровья жизни нет нигде.

Бирюков во время тирады доктора смотрел исключительно в пол и руки держал в карманах отглаженных галифе, что не укрылось от изучающего взгляда Плоткина.

– Хорошо. Я вас понял – Александр Михайлович посмотрел на Бирюкова и доктора – Вы можете пока отдохнуть, а мы с товарищем Плоткиным исследуем знаки, нанесенные на тело этого нойда, и через час другой поднимемся к вам.

Плоткин панибратски похлопал по плечу следователя, а затем и доктора.

– Да, товарищи, вы пока занимайтесь по распорядку дня, а мы уж тут с Александром Михайловичем немножко поработаем. Договорились? Да, – Лева протянул руку к Бирюкову – папочку с делом нам, пожалуйста, оставьте.

Бирюков облегченно вздохнул.

– Конечно, договорились. О чём разговор!

Следователь передал Лева красную картонную папку, завязанную белыми тесемками, и направился к выходу из подвала, за ним покатился резвый Станислав Германович, мелко семеня короткими ножками и оставляя за собой шлейф густого запаха пота и табачного перегара.

Александр Михайлович достал из кармана кожаный портсигар и зажигалку, сделанную из немецкого винтовочного патрона. Закурил. Несколько минут напарники молча смотрели на мёртвое тело, покрытое застиранной армейской простыней. Первым тишину нарушил Лева:

– Я думаю, Александр Михайлович, что наш незабвенный шаман отправился на тот свет не без помощи добрых людей. Посмотрите, как чудно закатились у него глаза. А вот здесь- Лева обвел указательным пальцем вокруг шаманского рта – видны следы запекшейся крови. Скорее всего доктор позабыл смыть. Как вы считаете?

Александр Михайлович потербил несколько секунд мочку уха и ответил:

– Вполне вероятно, но в данный момент меня волнует совершенно другое.

– Что, Александр Михайлович?

Александр Михайлович сдернул с мертвеца простыню и указал взглядом на грудь шамана – иссиня-черная птица с длинным, чуть загнутым вниз клювом, несла в хищных когтях странного вида рыбу. Рот у рыбы был широко открыт, а вместо чешуи из тела торчали острые, похожие на гвозди, шипы. Лева нахмурился и громко похрустел пальцами. Посмотрел на Соловьева исподлобья.

– Александр Михайлович, если вас не затруднит, объясните, пожалуйста, что означают эти знаки, потому как я совершенно не разбираюсь в данной символике.

– А в чем вы разбираетесь?

– В биологии и химии.

– Вот как!

– Да, вот так, имел честь закончить химико-биологический факультет Ленинградского университета. С отличием.

Соловьев окинул взглядом крепкую фигуру Левы и удивлённо покачал головой.

– Интересно. На биолога вы не очень похожи, более – на борца вольного стиля в тяжелом весе.

Лева мрачно улыбнулся.

– Борьбой я тоже занимался, но сейчас всё-таки, речь не об этом.

– Да-да, конечно. Вы хотите знать, что означают эти татуировки? Начнем, пожалуй, с изображения птицы. Это – ворон.

Лева удивленно покачал головой. Александр Михайлович прокашлялся, закурил очередную папиросу и продолжил:

– Ворон, как вы знаете, птица, которая поедает падаль. Образ его демоничен и всегда связан со смертью, с кровавой битвой и с царством мертвых. Ворон в поисках пищи копается в земле, но в то же время, как и всякая птица, ассоциируется с небом. Связь ворона с тремя мирами делает его, таким образом, посредником между верхом и низом, между жизнью и смертью.

– Это как?

– Как? Поясняю: принято считать, что шаманская душа покидает тело, дабы спуститься к Геенне Огненной или подняться в Небо, а ворон является проводником во всех его путешествиях. В принципе, как и все в этом мире образ ворона имеет две стороны – белую и черную. Из-за своей окраски он символизирует грех и дьявола, но в то же время может служить символом надежды. В религиозной живописи пророк Илия изображается вороном, который приносил пищу, голодающему в пустыне Христу.

– Хорошая лекция, но какое отношение все это имеет к нашему колдуну?

– Прямое. Наш колдун принадлежит к клану черных шаманов.

– А есть еще и белые?

– Конечно. Я же уже говорил вам, Лева, что все в этом мире имеет две стороны.

- Понятно. Что же дальше?

Соловьев прикоснулся пальцами к изображению рыбы на груди покойника и резко отдернул руку, как будто напоролся на колючие хищные шипы.

- В общих вертикальных схемах Вселенной Рыбы являются основным представителем нижней космической зоны и противопоставлены, конечно же, птицам. У саамов к тому же рыба символизирует изобилие, знание и вдохновение.

- И куда же ворон несет эту рыбу? В гнездо?

Александр Михайлович задумчиво почесал бороду.

- А ведь это идея. Лева, вы просто умница. В гнездо! Ответьте теперь вы, зачем мы с вами находимся здесь? Ради какого такого интереса мы рассматриваем труп туземца и пытаемся разобрать изображенные на этом трупе символы?

Лева недовольно сморщил лицо, словно пронзила его вдруг острая зубная боль.

- Не надо задавать глупых вопросов, Александр Михайлович. Поставленную задачу вы знаете лучше меня - найти место, где шаманы спрятали золото и отдать его нашему народу!

Александр Михайлович слушал Леву и думал, знает ли тот об их разговоре с Бокуном, но, так и не придя к определенному выводу, продолжил разговор.

- Вот именно! А чтобы найти это место, нужна карта. В тот момент, когда вы сказали о гнезде, я подумал, что, может быть, татуировки на мертвом теле и являются тем ключом, который откроет нам сейф с легендарными шаманскими богатствами.

- Интересно было бы узнать, как вы все это видите? Я был на фронте и прекрасно представляю себе, что такое карта и как она выглядит. Здесь же я нахожу только какие-то страсти божьи и больше ничего! Ворон, рыба с шипами, олень куда-то скачет, змеи ползут, да к тому же еще и куча свастик наколота. У меня нет опыта, чтоб такие ребусы разгадывать.

Александр Михайлович приблизился к Лева и успокаивающе похлопал его по плечу.

– Главное, Лева, беречь нервы, и все у нас получится. У меня некоторый опыт в сфере разгадывания тайных знаков имеется.

– Хорошо, тогда продолжайте.

– Значит так, по поводу свастики – это замечательная форма горизонтального креста – знака, который начертан в плоскости, обозначающей определённое состояние существования...

– Фашистское? – опять перебил Лёва

– Не понял?!

– Фашистское существование?

– Нет, что вы?! Мы можем встретить свастику в самых разных эпохах и у самых разных народов. Этот символ имеет место быть на всех континентах планеты! Его использовали древние кельты, греки, индусы, американские индейцы и народности Крайнего Севера. Это – знак полюса, знак действия Первопринципа по отношению к миру. В древние времена она символизировала удачу и благоденствие. Можно думать, что свастика являлась также символом богатства как такового. Да, чуть было не забыл, ранние христиане изображали свастику на могилах в качестве замаскированной формы креста!

– А змеи? Что, по-вашему, значат эти белые змеи?

– Змея обозначает совокупность различных проявлений человека, а рука, вокруг которой змея обвивается, символизирует «Мировое древо» или, если позволите, «Мировую ось». Так как змея может ползти вверх и вниз, символика её может быть соответственно, как благотворной, так и губительной.

– Змея обозначает Добро и Зло?

– Верно. Добро и Зло.

– А ещё?

– Рай и Ад. Небесный и адский пути.

– Её кольца тоже что-то значат?

– Конечно! Кольца – это лабиринт, в котором блуждают миллиарды людей, привлечённые огромным количеством своих проявлений...

Лёва покачал головой и с уважением посмотрел на Александра Михайловича. Глаза у Александра Михайловича загорелись лихорадочным блеском, и он удовлетворенно потер друг о дружку, ставшие замерзать ладони. В подвале было довольно прохладно, и Александру Михайловичу казалось, что холод покалывает его тело тонкими невидимыми иглами, которых с каждой минутой становится все больше и больше. Лева засунул руки глубоко в карманы кожаной куртки, выдохнул изо рта матовое облачко пара и задумчиво произнес:

– И при чем тут ранние христиане...

Александр Михайлович довольный тем, что, наконец-то, поймал нить, выводящую их из холодного подвала, в манящие дали ловозёрской тундры, ответил:

– Я думаю, если сделать вот так – Александр Михайлович попытался сложить окоченевшие руки трупа, покрытые витиеватыми узорами из свастик, на груди, но у него ничего не получилось – если сложить руки на груди, как принято складывать руки у покойников, то получится такая картина – ворон несет в клюве рыбу, то есть добычу, в гнездо.

– Похоже на то. А гнездо, я так полагаю, находится на шаманском погосте? Что-то напоминает сказку о Кашее, только не хватает яйца, иголки и дурня! Хотя, не уверен... А может этот самый ворон хочет вернуть рыбу домой, в Нижний Мир? Зачем ему такая шипастая – есть будет, так подавится!

Александр Михайлович утвердительно кивнул головой.

– Вот видите, Лева, вы же сами на свои вопросы и отвечаете. Дело в том, что люди всегда пытались схоронить свои богатства в земле, ближе к Нижнему Миру. Шипы на рыбе говорят нам о том, что богатство это опасно, и отправляться на его поиски, а тем более изымать из тайника, не стоит. Видите этих белых змей, что выползают на ладони шамана? Это стража – злобная страшная и коварная. Пощады не будет никому.

– А вот этого говорить не стоит, я сюда приехал задание партии выполнять, и вы, Александр Михайлович, вместе со всеми вашими символами меня не запугаете. Ясно?

Соловьев равнодушно пожал плечами и, демонстративно повернувшись к труп, продолжил изучать татуировки далее.

Лева развязал тесемки на папке и принялся читать, лежащий внутри нее, один единственный лист. Быстро пробежав написанное глазами, Лева с явным неудовольствием констатировал:

– Да-а, вот работнички, мать их за ногу! Здесь же никакой информации! Ни одного протокола допросов! Получается, что доставили его сюда, а он на следующий же день от страха и помер. А перед смертью только и сказал одно слово... Понятно, почему они оба глаза в пол прячут – их самих допрашивать надо!

Александр Михайлович повернулся к Лёве

– Какое слово?

– «Дженга».

В глазах Александра Михайловича промелькнуло скрытое изумление и он, как-бы пытаясь что-то вспомнить, затеребил пальцами кончик носа.

– Лёд!

– Что «лёд»?! – Лёва недоуменно посмотрел на Александра Михайловича.

– «Дженга» по-лопарски – «лёд»!

– Мне это пока совершенно ни о чём не говорит – угрюмо процедил Лёва, а вот вы, Александр Михайлович, как бы не заметили одну интересную деталь...

– Какую? – живо поинтересовался Александр Михайлович.

– Шаман – существо двуполое – Лёва указал пальцем в пах мертвеца.

– Почему же, я это заметил сразу, но хотелось бы сначала разобраться непосредственно с татуировками, а уж потом переходить к физиологии.

– А мне интересно послушать про это – произнёс Лёва и вновь посмотрел на мёртвого шамана.

– Хорошо. Извольте. Обоотворение матери-природы, единовременно объемлющее всё сотворенное и силу самого творчества – это есть базовый принцип и тщательно сохраняемое таинство египетских, азиатских и греко-римских мистерий. Верховное, оплодотворяющее себя же двуполое божество, является символом созидающей самой себя природы. В разных цивилизациях и у разных народов это божество раздваивалось на пары или было гермафродитом. Например, у греков и римлян это была бородатая и вооруженная Венера, у египтян – Озирис и Изида, а у византийцев Адон – Адоним и Балет...

– Занятно повествуете, Александр Михайлович! Мне очень интересно, почему доктор нам ничего не сказал о том, что шаман – гермафродит?! Так что, давайте закончим с шаманом и пойдем наверх, разбираться с живыми товарищами.

Александр Михайлович бросил на Лёву взгляд, полный укоризны и с волнением в голосе произнес:

– Этот мёртвый «товарищ» – наш ключ к тайнику, как вы этого до сих пор не поняли! Подождите минуту, я сфотографирую татуировки, и мы уйдем отсюда.

– Хорошо, жду.

Александр Михайлович снял защитный колпачок с объектива «лейки», висящей у него на груди, и сделал несколько снимков.

– Вот черт, как она тускло светит! Фотографии будут, вероятно, очень плохими. Лёва, помогите, пожалуйста, мне перевернуть тело на живот.

Когда его руки прикоснулись к холодному мёртвому шаману, Александру Михайловичу на секунду показалось, что какие-то энергетические токи, подобные электрическому, пронизали все его тело, пронесли по жилам и собрались в центре черепной коробки, раскачивая, находящийся там мозг гулким барабанным боем.

Спустя несколько мгновений труп был перевёрнут, и оба исследователя увидели под его правой лопаткой маленький и глубокий надрез. «Интересно. Надрез сделан именно в том месте, где у сильнейших шаманов всего мира были „бункеры“. Если здесь действительно был вшит „бункер“ или какое-то другое инородное тело, то кому потребовалось вырезать его? – спросил сам себя Соловьёв и сам же ответил: Тому, кто знает, что это за предмет! Надо срочно сообщить Бокуну!». Александр Михайлович закусил губу и продолжил осмотр.

Территорию от шеи до копчиковой кости занимал рисунок непонятного, похожего на осьминога существа. Глаза у существа отсутствовали, а длинные щупальца, опутывающие спину шамана, заканчивались на концах острыми, похожими на рыболовные крючки, отростками. Александр Михайлович вопросительно посмотрел на Лёву.

– Что скажете, коллега? Это уж точно – по вашей части.

– Да – задумался Лёва и неожиданно, по-военному, отчеканил – это животное относится к группе «желудёвых червей», хотя, на самом деле, никакие они не черви. Группа называется «Echiroides».

Лёва поводит пальцем по контурам татуировки.

– Видите, это существо очень похоже на мешок с длинными щупальцами? Существо выбрасывает щупальца вперёд, а затем подтягивает за ними своё тело. Двигается оно, кстати, очень быстро.

– А «крючки»?

– Это когти. Острые, как бритва.

– Наше существо плотоядное?

– Всеядное.

– Живёт, конечно же, в водной среде?

– Отнюдь. Оно может жить где угодно.

– Но – предпочитает, всё-таки, воду?

– Да. В передней части тела у него имеются рожки наросты – это локаторы, которые позволяют существу ориентироваться в любой среде и в любую погоду.

– Вот это шедевр! Какая универсальность! – Александр Михайлович с силою хлопнул себя ладонью по колену – как много всего может взять человек у Природы! Как мало мы знаем!

– Да, существо это называется «экстраверт»... – выдохнул Лёва и увидел, что Александр Михайлович глядит на татуировку, открыв от изумления рот и машинально теребя кожаный ремешок фотоаппарата. Лева крепко схватил его за плечи, сжал так, что захрустели суставы, и несколько раз энергично встряхнул.

– Очнитесь, Александр Михайлович! Фотографируйте скорее эту дрянь, и уходим!

Александр Михайлович схватился за фотоаппарат, но в это мгновение под потолком раздался сильный хлопок, разлетелась вдребезги лампочка, и комната погрузилась во мрак. Непонятная жестокая сила сковала Александра Михайловича по рукам и ногам, подняла над полом, раскрутила в воздухе как пропеллер и швырнула на холодную, твердую стену подвала. Теряя сознание, он слышал сдавленный хрип Лёвы и треск, разлетающейся на куски, двери. Часы на руке Александра Михайловича показывали ровно 10:30 утра.

Александр Михайлович, поджав под себя ноги, сидел совершенно голый на природном ковре из оленьего мха-ягеля и смотрел на чудесное озеро, похожее на огромный блестящий металлический диск. Розовый закат стекал с чистого неба на поверхность спокойной воды и растворялся в темной холодной глубине. Ни комаров, ни гнуса, ни других кровососущих насекомых, которыми изобилует летом тундра, не наблюдалось. На берегу загадочного озера росли отнюдь не карликовые березы, а на лесной опушке, недалеко от Александра Михайловича, яркими большими каплями краснела пахучая земляника. Александр Михайлович попытался вспомнить все, что с ним произошло, но не смог. Он совершенно не понимал, каким образом, когда и почему очутился он в тундре, на этом таинственном первозданном берегу. Сознание его работало в каком-то замедленном и непонятном ритме.

Хрустнула рядом сухая ветка, Александр Михайлович повернул голову и увидел стоящего за его спиной живого и невредимого шамана. Шаман пристально смотрел в глаза Александру Михайловичу и коварно усмехался. В отличие от голого Александра Михайловича, шаман был одет, но не в шаманский наряд, а в обыкновенный: холщовая рубаха юпа, штаны из оленьей кожи, на ногах низкие сапоги каньги с острыми, загнутыми вверх носами, через плечо перекинут ремень большой, расписанной диковинными рисунками, сумы. Темные, с проседью, длинные волосы шамана были заплетены в тугую косу, завязанную на конце узким кожаным ремешком. Шаман молчал, но в мозгу Александра Михайловича одно за другим возникали слова, которые складывались в понятные, леденящие душу, фразы.

«Я знаю, как страшно тебе сейчас, человек. Ты сидишь, смотришь на это озеро и в сотый раз задаешь себе один и тот же вопрос – как я здесь очутился?! Сердце твое обливается кровью, дрожит и трепещет при мысли о том, что я могу с тобой сделать! Не задавай себе никаких вопросов, просто сиди и смотри».

Александр Михайлович попытался, было, пошевелиться, но не смог сделать ни одного движения – тело не слушалось его. Шаман тем временем достал из сумы острый костяной крючок и два металлических шарика с насечками по бокам. Размерами шарики были с те, что детям покупают родители для нехитрого развлечения. Дети дергают за резинку шарики, обернутые в разноцветную

блестящую фольгу, и радуются гуттаперчевой их прыгучести. Александр Михайлович неожиданно вспомнил, как в далеком детстве отец подарил ему такой шарик, вспомнил с пугающей ясностью игрушку, тот день и веселого молодого отца, подбрасывающего его сильными мускулистыми руками высоко вверх, и ему стало страшно. Картина была убийственно реальной и четкой, будто бы Александр Михайлович был в этот момент маленьким белоголовым Сашенькой и от души радовался новой незатейливой игрушке.

Александр Михайлович заворожено следил за действиями шамана не в силах отвести взгляда, внутри тела его образовался сгусток холодной немой пустоты, и он сделался совершенно равнодушным ко всему происходящему с ним. Страх пропал.

Шаман подошел к Александру Михайловичу и крепкой сухой ладонью ударил его в лоб. От удара этого Александр Михайлович завалился на спину, вытянув вперед ноги и разбросав широко в стороны руки. Шаман наклонился над Александром Михайловичем и, зажав свой костяной крючок между указательным и средним пальцами, молниеносным движением вспорол тело Александра Михайловича от горла до низа живота. Александр Михайлович боли никакой не почувствовал. Он увидел, как бешено пульсирует в разверстой грудной клетке его сердце, и вываливаются наружу сизые, дымящиеся от теплой крови, кишки. Шаман аккуратно вырвал руками внутренние органы, бросив их на мох, рядом с телом. Затем посмотрел на, побелевшее как снег, лицо Александра Михайловича и острым своим крючком вынул оба равнодушно смотрящих на него глаза. В пустые, истекающие кровью, глазницы шаман вставил те самые металлические шарики с насечками. Он удовлетворенно посмотрел на растерзанное тело Александра Михайловича, повернулся и, сделав несколько шагов, бросил в озеро, вырезанные у Александра Михайловича, глаза. На гладкой, словно отполированной поверхности воды медленно разошлись правильные, пересекающие друг друга круги.

Александр Михайлович увидел вдруг, что стоит посреди своей горячей квартиры по колена в крови с открытым в диком крике ртом. На улице завывает ветер, и потоки красного дождя заливают оконное стекло. Удар молнии разламывает хлипкую раму, и ураганный смерч кружит вокруг Александра Михайловича, пожирая и всасывая в себя все, что попадает к нему на пути. Бурлит и пузырится под ногами кровь, по которой идут к нему незнакомые полуистлевшие тени, одетые в епанчи и камзолы прошедших столетий. У всех призраков до боли знакомые лица, движения и жесты, которые нельзя не узнать.

Александр Михайлович вглядывается в вереницу идущих мимо него теней, и видит в каждой из них не кого иного, как себя самого!

«Ты видишь и слышишь все это без страха. Ты больше никогда ничего не будешь бояться», – слышит он спокойный низкий голос шамана и еле успевает увернуться от тяжелых лошадиных копыт, пробивших толстую каменную кладку стены. Огромный черный конь с безобразной человеческой головой сбивает Александра Михайловича с ног и, подмяя под себя, всем телом вдавливая его в пол. Александр Михайлович слышит, как трещат его кости, и лопаются от невероятного напряжения сухожилия.

«Ты больше никогда ничего не будешь бояться», – слышит он опять знакомый низкий голос. Бушующий в квартире смерч подхватывает его тело, поднимает высоко в небо и с силой бросает на хищные, устремлённые в небо, копыта старинной кованой ограды.

Шаман уселся на берегу, достал из сумы длинную, покрытую замысловатой резьбой трубку, огниво и расшитый разноцветным бисером кисет. Из кисета он вытащил солидную щепоть темного, почти черного, табака, с удовольствием понюхал его и принялся медленно набивать трубку. Когда трубка была набита, шаман ловко высек огнивом искру и закурил. Он сидел, медленно втягивал в себя и также медленно выпускал изо рта, сквозь коричневые гнилые зубы, едкий табачный дым, жмурился от удовольствия и ждал, когда всемогущий Дженга откроет свои границы для нового чёрного шамана.

Александр Михайлович нёсся вниз, куда – то глубоко под землю по сверкающему антрацитным блеском тоннелю. «Как на поезде, только очень быстро и не видно ничего», – подумал Александр Михайлович и неожиданно мягко приземлился. Под ногами был белый известняк. Александр Михайлович огляделся вокруг и увидел, что находится в огромной, ярко освещенной пещере. Голубоватое свечение исходило из невидимых глазу источников, расположенных на высоком, украшенном фресками потолке. Стены пещеры неизвестный, но, несомненно, великий мастер украсил великолепной резьбой, изображавшей фигуры фантастических, неизвестных Александру Михайловичу животных и странных большеголовых людей.

Александр Михайлович, находясь в состоянии шокирующего изумления, нащупал в одном из многочисленных карманов куртки портсигар, достал зажигалку и замер – в нескольких метрах от него зазвенели колокольчики. Лёгкий

мелодичный звон отражался от стен пещеры и многократным эхом отдавался в ушах. Александр Михайлович увидел, как сквозь стену проходит маленький человек, машинально щёлкнул зажигалкой, да так и остался стоять на месте, держа её перед собой и разглядывая маленького человека.

Незнакомец был росту около полуметра, имел короткое плотное тело, кривые ноги и, сморщенное, как печеное яблоко, старческое личико с очень умными и пронзительными глазами. Одет он был в анорак и штаны из оленьей шкуры. На ногах незнакомца красовались легкие, расшитые бисером, остроносые каньги. На обеих руках незнакомца были надеты массивные серебряные браслеты, с припаянными к ним маленькими колокольчиками, которые, при каждом его движении, издавали тот самый мелодичный звон, так поразивший Александра Михайловича. Под мышкой незнакомец держал отполированную до блеска доску с нарисованными на ней черно-белыми клетками, а на шее у него висело ожерелье из сушеных грибов. Незнакомец дунул на дрожащее синеватое пламя соловьевской зажигалки и, когда оно погасло, вопросительно посмотрел на Александра Михайловича.

Александр Михайлович от удивления опомнился и вежливо спросил незнакомца:

– Уважаемый, позвольте узнать, где я в данный момент нахожусь?

Незнакомец юлить не стал и ответил просто:

– В Нижнем Мире.

Голос незнакомца оказался на редкость густым и низким, как у дьякона в церкви. Александр Михайлович потер лоб, силясь что-либо вспомнить, но сознание его отказывалось предоставлять информацию о прошлом, и Александру Михайловичу пришлось с этим обстоятельством смириться «Что ж, – подумал он – жить надо настоящим» и задал незнакомцу еще один вопрос:

– А как вас зовут, уважаемый, и, извините, конечно, за мою назойливость, кто вы такой?

Мимолетная улыбка пробежала по губам незнакомца, и он ответил:

- Меня зовут Алгуй. Я – твой проводник.

- И куда же, Алгуй, ты меня поведешь?

- Поведу туда, где ты не был, туда, где тебя ждут испытания, которые ты должен пройти и вернуться обратно к себе.

- Я должен совершить переход?

- Да, и не один. Ты ведь не думаешь, что ты – это только тело? Мясо и кости?

- Не думаю. Многие религии мира признают, что человек перевоплощается во времени и пространстве. Душа – вечна.

- Вот видишь, ты всё понимаешь правильно!

- Когда мы начнем?

- Не торопись. Тебе нужно совершить девять переходов.

- Это долгий путь?

- Очень долгий. А потому отдохнуть надо, однако. Посидим немного, поиграем, потом и отправимся.

Алгуй сел на пол пещеры, скрестив по-турецки ноги, и указал рукой Александру Михайловичу на место напротив себя. Александр Михайлович последовал примеру Алгуя, а тот тем временем раскрыл полированную доску, положил её на пол и достал из-за пазухи кожаный мешочек. В мешочке оказались фигурки, вырезанные из кости. Александр Михайлович посчитал фигурки и увидел, что их по двадцать штук с каждой стороны – черных и белых. Пять фигурок изображали диковинных птиц с длинными хищными клювами; пять – лосей с большими ветвистыми рогами (казалось, рога сейчас перевесят и фигурки упадут на доску, но, как ни странно этого не происходило, и фигурки, как вкопанные, занимали на доске свои позиции); пять – животных с очень укороченными ногами, без хвоста, но с маленькими рожками и, наконец, пять фигурных пластинок с ажурным крестообразным вырезом в центре. Все фигурки

стояли на небольших конусовидных, напоминающих пирамиды, подставочках. Алгуй аккуратно разместил все фигурки на доске, затем взял в одну руку белого лося, в другую чёрного и, спрятав их за спиной, хитро посмотрел на Александра Михайловича. Александр Михайлович улыбнулся и легонько стукнул по левой руке Алгуя. Алгуй вытянул руку перед Александром Михайловичем и разжал кулак – на ладони лежал маленький белый лось.

– Тебе начинать.

Александр Михайлович удивленно посмотрел на Алгуя

– Как же я начну, если не знаю правил?

Алгуй оторвал от грибного ожерелья семь сушеных грибов и положил их на доску, затем снял с пояса маленькую круглую фляжку и положил ее рядом с грибами.

– Вот, подкрепишься этим и узнаешь все правила очень быстро, моргнуть не успеешь.

– Хорошо – ответил Александр Михайлович и, взяв с доски первый попавшийся сушеный гриб, положил его в рот и принялся усердно жевать.

Первый гриб был разжеван и проглочен. Никаких неприятных ощущений Александр Михайлович не испытал, запил гриб водой из фляжки и уверенно взял с доски второй. Он подумал, что очень давно не ел грибного супа и ему захотелось есть эти грибы еще и еще.

Алгуй смотрел на Александра Михайловича, тихонько посмеивался, отрывал с ожерелья маленькие грибки, подбрасывал их в воздух и ловил, как собака, ртом.

После третьего гриба, съеденного Александром Михайловичем, он почувствовал в теле необыкновенную легкость, а стоящий на доске белый лось превратился в огромного белого дракона. Дракон этот с силой бил хвостом по пещерному полу, и в глаза Александра Михайловича летела известняковая пыль. Под потолком пещеры, раскрашенном в яркие оранжево-красные цвета, парил,

широко раскинув в стороны маленькие руки, Алгуй. Рядом с Алгуем в воздухе бешено вертелись какие-то рваные черные тени. «Интересно девки пляшут» – подумал Александр Михайлович, взял с доски четыре оставшихся гриба и бросил их в рот. Тени под потолком образовали черный вертящийся шар, который втянул в себя парящего Алгуя, и камнем полетел вниз, прямо на Александра Михайловича.

Бирюков играл с доктором в шахматы. Исцарапанная доска стояла посередине стола, по противоположным сторонам которого расположились напряженные игроки. Не то, чтобы лейтенанту нравилась эта древняя, как мир, игра – нет, надо было просто убить время до прихода из подвала московских гостей и отвлечься от тяжелых дум. Отвлечься не получалось. Доктор имел первый разряд по шахматам – он в течение нескольких минут пробил внушительную брешь в лейтенантской обороне и поставил Бирюкову мат.

– Однако, батенька, вы проиграли, – энергично потирая ладони, произнес доктор и с иронией посмотрел на Бирюкова – Что, никак не можете сосредоточиться? Не переживайте. Товарищи посмотрят дикарские татуировки, да и уедут к себе в Москву. Мёртвые, они ведь разговаривать не могут.

Бирюков повертел в руке поверженного короля, нервно, со стуком, поставил его на доску и тяжело ударил кулаком по столу.

– А живые? Живые?!

Доктор, не обращая внимания на поведение лейтенанта, спокойно ответил:

– Какие такие живые? Я, батенька, как те три мартышки: ничего не вижу, ничего не слышу и ничего никому не скажу – говоря это, доктор делал соответствующие жесты ладонями, закрывая ими то глаза, то уши, то рот.

Бирюков покачал коротко стриженной головой.

– Смотрите, «батенька» – передразнил он доктора – патронов у меня, если что, на всех хватит!

– Да-да, я все понял. Сыграем еще партеечку?

– Сыграем – угрюмо, думая о мертвом шамане, ответил ему Бирюков и принялся расставлять на доске шахматные фигурки.

Настенные часы в кабинете у Бирюкова показывали 10:30 утра. В коридоре слышались чьи-то тяжелые шаги.

АЛЕКСАДР МИХАЙЛОВИЧ. ПЕРЕХОД ПЕРВЫЙ. 12 ИЮЛЯ 1943 ГОДА. РЖЕВ.

Хельмут Диркс отхлебнул из кружки обжигающую рот бурую жидкость и пробежал глазами письмо, которое он только что закончил писать.

«Здравствуй, дорогая Марта!

Спасибо тебе, любимая, за письмо и посылку. Все очень пригодилось, особенно сигареты – здесь с ними всегда огромная проблема. Впрочем, снабжают нас вполне прилично, так что твой Хельмут нужды почти ни в чем не испытывает, кроме женской любви и ласки.

Русские вот уже три дня молчат, вероятно, задумывают очередную пакость. Стараюсь быть спокойным. Рыцарский Крест, врученный мне лично генералом Хене, придает отваги и уверенности в своих силах! Надеюсь, что в скором времени я приеду в родной Франкфурт, обниму тебя и маленького Маттиуса, и мы все вместе сядем за праздничный стол отмечать очередную победу Рейха в этой затянувшейся войне!

Целую тебя, дорогая! До свидания!

Твой Хельмут.

P.S.

Марта, передай дяде Отто, что я помню о его просьбе, и привезу для коллекции фуражку убитого лично мной русского комиссара.

Ржев

12 июля 1943 года».

Обер – лейтенант Хельмут Диркс аккуратно вложил письмо в конверт, написал на конверте адрес, но заклеивать пока не стал – нужно было добавить к письму фотографию. Полковой фотограф снял Диркса в тот момент, когда генерал Хене вешал на шею Дирксу долгожданный орден – Рыцарский Крест. Крест Дирксу был вручен еще неделю назад, но фотограф особой расторопностью не отличался и обещал принести фото лишь завтра. «Ладно – думал Диркс – один день погоды не сделает. Подожду...» Он сунул письмо во внутренний карман куртки и удовлетворенно потянулся. Все для него на этой войне складывалось очень удачно.

За два года, прошедших после окончания им снайперской школы, Диркс стал одним из лучших стрелков в немецкой армии. Его ум, звериная хитрость и мгновенная реакция снискали почет и уважение коллег, и ненависть врага. Из ста пятидесяти убитых им русских, двенадцать были снайперами. «Иваны» охотились за Дирксом на протяжении последних трех месяцев особенно ретиво, даже сбрасывали на передовые позиции листовки, текст которых гласил, что «жестокоего пса Диркса ждет жестокая собачья смерть!» Диркс на всю эту возню внимания не обращал, оставаясь спокойным и хладнокровным воином, безжалостно уничтожавшим врага.

Последнюю неделю он здорово поработал, оборудовав себе отличную позицию на нейтральной полосе. На своем участке Диркс создал обстановку снайперского террора, в первый же день застрелив наблюдавшего в бинокль за немецкими позициями русского офицера – пуля разбила линзы и вошла точно в глаз наблюдателя. Офицер медленно осел на дно окопа, а вражеские пулеметчики полчаса после этого вели огонь, прочесывая каждый сантиметр нейтральной полосы хлесткими очередями. Безуспешно. Затаившийся в своей норе Диркс, переждал дурацкие излияния чувств и затем, как на занятиях в тире, аккуратно

продырявил головы двум русским пулеметчикам. После этого движение во вражеских траншеях осуществлялось исключительно в состоянии полуприседа..

Вчера Диркс кожей почувствовал, что на него охотятся. Он не знал, сколько русских снайперов стараются засечь его точку, но стрельбу прекратил и стал выжидать, пока кто-либо из охотников не выдаст себя неверным движением или выстрелом. На нейтральной полосе воцарилась непривычная для последних дней тишина. Стало слышно, как поют в лесу птицы и шелестят уцелевшие после бомбежек и артобстрелов деревья.

Диркс сидел на ящике из-под мясных консервов, заменявшим в блиндаже стул, курил крепкую сигарету и пил горячий эрзац-кофе без сахара. На самодельном столике стояла коптящая керосиновая лампа, освещающая худое и небритое лицо снайпера. Швейцарские наручные часы на его руке показывали ровно четыре часа утра. Диркс знал, что сейчас он докурит сигарету, допьет кофе и, уложив в рюкзак все необходимые вещи, двинется на свою позицию. Сегодняшний день покажет, кому судьба дарует право на дальнейшую жизнь. Обер – лейтенант Хельмут Диркс был почему-то искренне уверен, что он будет жить вечно.

В это время, в расположении русских, в глубоко вырытом двухскатном блиндаже бережно чистил снайперскую винтовку низкорослый солдат с раскосыми темными глазами и широким приплюснутым носом на смуглом, никогда не ощущавшем прикосновения бритвы, лице. Солдат мурлыкал какую-то песенку, состоящую из сплошного набора протяжных звуков, плавно сливающихся в странные слова, из коих единственно понятным было слово «тундра». На куске холста, рядом с аккуратно разложенными деталями снайперской винтовки Мосина, стояла маленькая костяная фигурка чёрного лося.

Диркс сделал последнюю затяжку, глубоко вдохнув в легкие сизый пахучий дым, затем с силой выпустил его из ноздрей и затушил сигарету в распиленной пополам гильзе калибра 88.

«Еще немного посижу здесь и пойду. Неизвестно, когда еще придется так спокойно проводить время...» – подумал Диркс и с грустью посмотрел на гильзу. Из неё поднималась тонкая струйка табачного дыма. Рука Диркса потянулась было к непотушенному до конца окурку, и в этот миг его осенило. Как же он не догадался об этом раньше?! Простая по своей гениальности маскировка

поможет ему убрать очередного русского «охотника за черепами». Снайпер вышел из блиндажа и, пригнувшись, быстрым шагом двинулся по широкой траншее. В воздухе пахло сырой землей, горелым человеческим мясом и, как это ни странно, свежестью. Диркс даже заметил росу на каске дежурного пулеметчика, сидящего в одном из многочисленных окопов.

После пятиминутного блуждания по многочисленным ходам сообщения Диркс, наконец, добрался до полкового оружейника Шнитке. Шнитке спал на лежанке, подогнув под себя левую ногу, и пуская слюну из открытого губастого рта. Диркс подошел и тронул спящего за плечо.

– Руди, просыпайся.

Шнитке почесал рукой волосатую грудь, встряхнул головой и открыл глаза.

– Господин обер-лейтенант, старший оружейник Шнитке уже проснулся! – рявкнул он так, что другие солдаты, спящие в блиндаже, заворочались, и чей-то хриплый голос произнес в адрес оружейника несколько грязных ругательств. Диркс укоризненно покачал головой.

– Все равно им скоро вставать. Как говорят русские – «Кто рано встает, тому Бог подает». Не так глупо, согласитесь, господин обер-лейтенант? – проговорил Руди и с кряхтением начал натягивать на ноги старые сапоги с расширенными голенищами.

Диркс тихонько поцокал языком.

– Да, ты, старина Руди, становишься, как я вижу, философом. Что-то я раньше этого за тобой не замечал.

Шнитке надел сапоги и встал перед Дирксом – оказалось, что Диркс ниже его почти на две головы, и посмотрел на него сверху вниз.

– Тут станешь кем угодно, господин обер-лейтенант, лишь бы не сдохнуть и сохранить свою любимую задницу!

Диркс посмотрел на гиганта-оружейника и грустно усмехнулся.

– Да, Руди, твоя любимая задница еще очень пригодится Великой Германии. Например, сейчас.

– Я готов, господин обер – лейтенант. Хотите использовать ее в качестве мишени? Думаю, что для стрелка такого уровня как вы, мишень слишком большая.

– Здесь ты совершенно прав, Руди. Мишень слишком большая. Давай-ка я лучше объясню тебе, что нужно сделать...

Спустя полчаса оружейник принёс Дирксу гильзу от артиллерийского снаряда с отпиленным донышком. Снайпер повертел гильзу в руках, одобрительно поцокал языком и поблагодарил Шнитке за хорошую работу.

Дело оставалось за малым – надо было замаскировать эту гильзу в куче других и, вставив в неё винтовку, поразить русского снайпера.

Низкорослый русский солдат закончил чистить винтовку, собрал воедино ее семь разложенных на холсте частей и с любовью водворил винтовку на место, в потертый брезентовый чехол. Не спеша достал из кармана вышитый бисером кисет из оленьей кожи и обрывок газеты. Солдат поднес газету к носу и недовольно поморщился – газета пахла свежей типографской краской. Солдат выудил из кисета щепоть крупно нарезанного табака и с ловкостью фокусника, в несколько мгновений, соорудил внушительных размеров козью ножку. Ему всегда хотелось курить перед охотой. Нет, не перед охотой в холодной заполярной тундре, где дикое зверье сразу учует запах табачного дыма, и тогда ищи свищи ветра в поле! На фронте были другие звери, и фронт весь пропах потом, кровью, порохом и еще невесть чем, не опишешь.

Закурить он не успел. В блиндаж резво вбежал бравый ротный политрук капитан Сагадеев. В правой руке политрук держал новую газету «Красная Звезда». Солдат отложил в сторону «козью ножку» и спокойно встал перед Сагадеевым, глядя ему прямо в глаза.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – приветствовал солдат политрука.

– Здравствуй, Федор! Здравствуй, родной! Да ты садись, не стой, в ногах правды нет! Посмотри только, что про тебя в «Красной Звезде» напечатали!

Сагадеев развернул перед Федором газету, на первой странице которой жирным шрифтом заглавными буквами было напечатано «УБЕЙ НЕМЦА!», а чуть ниже – «Снайпер-тундровик Федор Шишов уничтожил 200 вражеских захватчиков!». С первой страницы газеты на Федора смотрел его отретушированный двойник с белозубой улыбкой. На гимнастерке у двойника висела Звезда Героя Советского Союза.

– Я, товарищ капитан, эту газету видел уже. Читал.

Сагадеев заметил огромную «козью ножку» и ему все стало ясно. Он свернул газету в трубочку и засунул в карман галифе, потом тяжело вздохнул.

– Ну, что же ты так Федор, свой портрет на цыгарки извел? Не по-ленински это, не по – комсомольски. Как думаешь?

– Думаю, что мне на точку пора, товарищ капитан.

Сагадеев почесал затылок и разочарованно крикнул.

– Да, конечно, товарищ сержант. Уничтожьте эту фашистскую сволочь – Диркса! Пусть эти мерзавцы знают, что наши стрелки им спуску никогда не дадут!

– Так точно, товарищ капитан, не дадим.

Сагадеев крепко обнял солдата, похлопал его по спине, затем резко повернулся и вышел из блиндажа. Солдат облегченно вздохнул, взглянул на «козью ножку», но курить не стал. Он взял чехол с винтовкой, выдавший вида «сидор», положил в нагрудный карман гимнастерки костяную фигурку и выскользнул из блиндажа.

Разбитый немецкий танк стоял на нейтральной полосе уже неделю. Башня его была снесена реактивным снарядом, пущенным из пушки советского танка «Иосиф Сталин» во время одного из тех боев, где смерть зажигала свои адские огни со всех сторон, не разбирая ни религий, ни возраста, ни цвета погон. Обуглившиеся останки танкистов, жутко смердя, валялись в радиусе десяти метров вокруг танка. Тут же было разбросано большое количество стреляных гильз, оставшихся от некогда разгромленной советской артиллерийской батареи.

Окопавшись с утра в наполовину засыпанном окопе рядом с позицией батареи, снайпер Диркс устроил поудобнее в куче стреляных артиллерийских гильз свою, с отпиленным донышком, вставил в эту гильзу снайперскую винтовку «Mauser 98k» калибра 7,92 мм, с оптическим прицелом шестикратного увеличения и принялся караулить жертву. Жертва появляться явно не спешила.

Федор облюбовал себе место рядом с высокой столетней сосной три дня назад. Обзор был отличным. Чудом уцелевшие после бомбежек и артобстрелов деревья служили хорошей маскировкой. Сержант быстро, как змея, дополз до своего окопа, расчехлил винтовку, положил ее на замаскированный ветками бруствер и стал пристально, сантиметр за сантиметром, обследовать распаханную вдоль и поперек, нейтральную полосу. Трупы русских и немецких солдат, разбитые орудия, груды стрелянных артиллерийских гильз, и черные от гари танки покрывали этот, изрытый воронками, клочок земли. Сержант закончил осмотр, развязал вещмешок, достал оттуда маленькую жестяную баночку из-под чая и осторожно, словно боясь рассыпать что-то очень ценное, открыл крышку. Баночка оказалась наполовину заполненной маленькими шариками темно-коричневого цвета. Сержант поднес баночку к носу и с наслаждением втянул воздух – видно было, что запах вещества, находящегося в баночке, ему очень нравится. Он взял один шарик, помял его между большим и указательным пальцами, и отправил в рот. Сняв с пояса фляжку, быстро отвинтил крышечку и глотнул воды. Затем баночка была закрыта и спрятана обратно в вещмешок, фляжка заняла свое место на поясе сержанта, а сам он взял в руки винтовку, нежно похлопал ее по прикладу и с загадочной улыбкой на азиатском лице прильнул к окуляру оптического прицела. Через минуту рядом с сержантом занимал позицию точно такой же, как и он, снайпер, но только на первый взгляд. Двойник сержанта представлял собой некий плазменный сгусток, способный принимать любые размеры и формы. Сержант с удовлетворением посмотрел на своего двойника и указал ему пальцем на ствол сосны.

Дирксу внезапно захотелось есть. Снайпер подумал, что после четырех часов охоты за русским, он все-таки может устроить себе небольшую передышку. Диркс отложил винтовку, опустился на дно окопа, открыл штурмовой ранец и достал оттуда небольшую, упакованную в фольгу, плитку шоколада. Он развернул фольгу, отломил от плитки небольшой кусочек и быстро отправил его в рот. Диркс любил шоколад так, как многие его друзья любили шнапс. Маленький кусочек горького, пахнущего какао шоколада, поднимал ему настроение, придавал силы и тонизировал мозг. И еще: у Отто Диркса была своя примета, о которой он не говорил никому, даже самым близким друзьям –

каждый кусочек шоколада на позиции приносил ему очередную победу в снайперском поединке. Диркс с надеждой посмотрел на плитку шоколада и положил ее обратно в ранец.

Когда глаз Диркса коснулся окуляра, он увидел, как на высокую сосну вблизи русских окопов, быстро взбирается вражеский снайпер. «Русский думает, что за другими деревьями я его не вижу?! Идиот!», – пронеслось в голове у Диркса. Он поймал ползущую вверх по дереву фигурку в перекрестье прицела, задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Фигурка замерла и повисла на одном из толстых сосновых сучьев. Диркс передернул затвор, чтобы поднять гильзу после удачного выстрела, и отодвинулся от оптического прицела. Выстрела русского он не слышал. Пуля вошла немецкому снайперу прямо в переносицу, одним штрихом перечеркнув все его надежды и мечты в земной жизни.

Диркса со страшной скоростью несло по нескончаемому темному тоннелю. Впереди, где-то очень далеко, звенели хрустальным звоном, колокольчики и быстро-быстро мелькали непонятные мозаичные картинки, похожие на те, что складываются в детском игрушечном калейдоскопе. Пребывать в таком фантастическом состоянии было так прекрасно, что Диркс вспомнил любимого Гёте и неожиданно для самого себя тихо запел:

«Mitten im Get?mmel mancher Freuden,

Mancher Sorgen, mancher Herzensnot,

Denk ich dein, o Lottchen, denken dein die beiden,

Wie beim stillen Abendrot

Du die Hand uns freundlich reichtest...»

(стихотворение И. Гёте «К Лоттхен»)

Александр Михайлович очнулся. В голове его ощущалась удивительная прозрачная пустота. Алгуй сидел, скрестив по-турецки ноги, напротив

Александра Михайловича и улыбался. Игральной доски с расставленными на ней фигурками уже не было, но сам пол пещеры расчерчен был на ровные черно-белые квадраты, на одном из которых стоял одетый в незнакомую Александру Михайловичу военную форму офицер. В переносице офицера зияло пулевое отверстие.

- Отличный выстрел! - невольно вырвалось у Александра Михайловича.

- Неплохой.

- Кто ж это его так?

- Я. - Алгуй легонько стукнул себя кулаком в грудь.

- Когда и где? Что все это значит?! - Александр Михайлович указал рукой на стоящего в углу пещеры офицера.

- Какая разница когда? Какая разница - где? Время, оно очень большое.

- Время большое, но почему он похож на меня? Он - это я? Я - это он?

- Можно и так подумать. Всякий волен думать, как хочет.

- Ответ хороший, но он меня не слишком удовлетворяет - Александр Михайлович повертел в руках недоеденный кусочек сушеного гриба и недоверчиво посмотрел на Алгуя, - твоя отравка так действует?

- Может быть и отравка. Может быть, ты сам себе как отравка. Все это происходит внутри тебя...

- Да? Внутри меня, во всем пространстве и в твоём большом времени? Кажется, до меня что-то начинает доходить.

- Скоро многое понятно станет, а пока нам с тобой дальше надо идти - Алгуй хитро улыбнулся, оскалив прокуренные зубы.

– Куда, любезный, ежели не секрет? – с издевкой в голосе произнес Александр Михайлович и кивнул головой в сторону офицера – Мы с тобой уже куда-то хорошо сходили.

– Хранители тебе нужны. Это – первый из девяти. Видишь, на войне погиб?

– Вижу, Алгуй, вижу – Александр Михайлович с нетерпением пощелкал пальцами – И что же дальше?

– Теперь ни на какой войне ты убит не будешь.

– Понятно. «Рожденный быть повешенным, не утонет.»

– До повешенных мы тоже дойдём. Дорога у нас с тобой долгая и длинная.

Александр Михайлович понимающе закивал Алгую головой, а про себя подумал, что лучше бы эта дорога была побыстрее, да покороче – хватит и одного убитого хранителя с дыркой во лбу.

Алгуй тем временем рылся в своем кисете. Неожиданно для Соловьёва Алгуй выдернул из кисета свою жилистую сухую ручку, и перед лицом Александра Михайловича появилось маленькое облачко белого порошка. Он увидел, как матово – белые крупинки превращаются в блестящие прозрачные кристаллы и медленно подлетают к его глазам. Александр Михайлович опустил веки, но это не помогло – в голове раздался тихий хлопок, в ушах гулко застучали барабаны, и низкий голос шамана произнес: «Лети».

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. ПЕРЕХОД ВТОРОЙ. 15 МАРТА 44 ГОДА ДО НАШЕЙ ЭРЫ. РИМ.

Цезарь собирался в сенат. Он тщательно зачесал редкие волосы с темени на лоб и надел на голову лавровый венок. Этой ночью у Цезаря опять был приступ падучей. Дикая боль раскаленными клещами вырвала из мозгов разум и бросила на розовый мраморный пол. Двое темнокожих рабов с большим трудом разжали Цезарю зубы и вставили в рот небольшую палочку из сандалового дерева.

Жена Цезаря стояла рядом, прижав ладони к щекам, горячие слезы капали из огромных карих глаз на голубую тунику и расплывались на груди небольшим темным пятном.

Когда приступ закончился, Кальпурния рассказала мужу свой страшный сон: «Мы лежали на брачном ложе и спали. Вдруг дом потряс мощный удар и чья-то огромная волосатая рука разбила над нами крышу. Я увидела багровое небо, с которого огненной лавой неслись звезды. Двери нашей спальни сами собой распахнулись, и в нее вошли люди с кинжалами, лица их были скрыты за волчьими масками. Через мгновение ты уже лежал мертвый, истекающий кровью, которая быстро заливала нашу спальню. Я стала захлебываться в твоей крови и, когда проснулась, увидела, что тебя рядом нет!»

Цезарь ласково погладил жену по голове.

– Не волнуйся, Ка. Сны снятся нам очень часто, но исполняются очень редко. Ты просто слишком много переживаешь последнее время. Мартовские иды и на меня действуют удручающе, но это отнюдь не значит, что мы с тобой должны так сильно поддаваться влиянию погоды. Мало ли куда дует ветер...

– Я просто очень боюсь за тебя и погода здесь ни при чем. За твоей спиной чуть ли не каждый день затеваются заговоры. Если бы шпионы, которым ты платишь звонкой монетой, работали плохо – ты был бы давно мертв. Когда против тебя замышляют очередную мерзость, ты ограничиваешься лишь тем, что объявляешь в очередном эдикте, что тебе все об этом известно. Твои враги остаются живыми, набираются еще больших сил и готовят тебе очередные козни. Ты же, как ни в чем ни бывало, надеваешь на голову венок, идешь в сенат и ждешь, когда тебя объявят царем!

– Да, ты права. Сегодня на заседании сената квиндецимвир Луций Кота внесет предложение провозгласить меня царем.

– Зачем тебе все это. Неужели мало власти и почестей?!

Цезарь криво улыбнулся и устало закрыл глаза.

– Ка, ты прекрасно знаешь – в пророческих книгах Сивилл написано, что победу над парфянами сможет одержать только царь. Давай-ка лучше спать.

Никто из них до утра так и не заснул. Карусель тревожных мыслей кружилась, набрав бешеные обороты, и не давая сну затопить временным покоем растревоженный мозг.

Утром Цезарь проснулся и вспомнил, что сегодня к нему придет гадатель Спуринна – он хотел знать, что ожидает его в ближайшие дни. «Вероятно, старею – подумал Цезарь – раньше мне было совершенно наплевать на все эти предсказания. Я всегда шел к своей цели и не обращал внимания на умников предсказателей! Надо перейти еще один Рубикон, и я сделаю это, не взирая на то, что мне сегодня скажет Спуринна!»

Гадатель заявился с опозданием на час, когда Цезарь собирался уже послать за ним своего самого быстрого раба. Одежда на предсказателе была сильно измята, кожаный ремешок одного из сандалий был оборван и волочился по земле, грозя нерадивому хозяину опасным падением со всеми вытекающими из этого падения последствиями. Лицо Спуринны было покрыто трехдневной щетиной, изо рта несло жутким перегаром, но глаза смотрели на императора с такой пронизательностью, что Цезарю казалось – этот человек уверенно ходит по закоулкам его души и видит все бушующие там страсти.

Цезарь вспомнил, как несколько месяцев назад, гадатель пришел к нему с вестью о том, что император в скором времени погибнет от рук заговорщиков. Предзнаменованием смерти Цезаря послужило следующее: жители Капуи, чтобы построить себе усадьбы, раскапывали древние могилы. В одной из гробниц, где по преданию был захоронен основатель Капуи – Капий, жители нашли доску с надписью, которая гласила: «Когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей и будет отмщен великим по всей Италии кровопролитием».

– Когда это произойдет? – с недоверием поинтересовался Цезарь.

– Не позднее, чем в первые иды марта – лениво ответил гадатель и почесал лоснящийся жиром подбородок.

– Я могу избежать опасности? – с тревогой в голосе спросил Цезарь.

– Можешь, если захочешь.

Спурина хитро посмотрел в глаза императора. Цезарь открыл маленький ларец из эбенового дерева, инкрустированный слоновой костью, достал оттуда кожаный мешочек, набитый монетами, и протянул его Спуринне. Гадатель взял мешочек, взвесил его в ладони, удовлетворенно почмокал толстыми мокрыми губами и воровато оглянулся по сторонам.

- Великий Цезарь, нас никто не подслушивает? - хрипло прошептал гадатель.

- Нет. Можешь говорить спокойно - произнес Цезарь и приготовился слушать.

- Ты, конечно, знаешь, мой император, о великом Пифагоре

- Да. О Пифагоре, я думаю, знает каждый ребенок.

- Я хочу рассказать тебе, император, о том, как Пифагор провел свои последние годы жизни на этой земле. Он пришел в город Кротон и поселился в подземной пещере...

- Ну и что же, много кто жил в пещерах. Некоторые и поныне предпочитают скрываться там от людских глаз - перебил гадателя Цезарь.

- Все дело в том, мой император, что в пещере, где жил Пифагор, имелся узкий, темный и бесконечно глубокий лаз, ведущий в страшную бездну.

- Вход в Аид?! - удивленно воскликнул Цезарь.

- Вот именно. Однажды Пифагор исчез в этой дыре, надев на себя шкуру какого-то черного мохнатого зверя. Прошло очень много времени, прежде чем он вернулся обратно. Выглядел он так, как будто демоны терзали и пытали его. Голое тело покрывали ужасные раны и толстая корка запекшейся крови. Людям, которые подобрали его рядом с пещерой, Пифагор рассказал, что он был в Подземном Царстве и беседовал там с душами Гомера, Гесиода и других великих людей. Он создал учение о бессмертии души и вечном возвращении. Получив разрешение отцов города, он собрал на первую лекцию две тысячи человек и рассказал им о своем учении. По окончании речей Пифагора, шестьсот человек объявили себя его приверженцами. Так было создано знаменитое аристократическое братство.

– «Пифагорейский союз»?

– Да, мой император. Союз, в который допускались только избранные. Союз, основанный на принципах огромного северного государства – Гипербореи.

– На принципах справедливости, равенства и добра?! Ну, ты удивил меня, Спуринна! – Цезарь откинул голову за спинку кресла и громко захохотал.

Спуринна со скрытой неприязнью наблюдал за императором. Вдоволь насмеявшись, Цезарь смахнул ладонью слезы с лица и вопросительно посмотрел на гадалея.

– Учение Пифагора, которое поначалу с радостью восприняли во всех греческих колониях в Италии и у твоих римских предков, через несколько лет подверглось жестоким гонениям со стороны сибаритов – этих изнеженных любителей разврата праздной жизни и роскоши. Однажды, когда несколько десятков самых преданных учеников Пифагора собрались во главе с ним на тайное собрание в доме одного аристократа, сибариты окружили этот дом и подожгли со всех сторон. Мало кому удалось выбраться оттуда.

– Об этом я знаю, Пифагор сгорел вместе со своими учениками, – Цезарь разочарованно посмотрел на гадалея, – ничего нового ты мне не поведал.

– Не торопись, пожалуйста, мой император и дослушай историю до конца. Ученики Пифагора построили мост из своих живых тел, и Пифагор скрылся от преследователей. Он ушел в глубь земли и по бесконечным подземным переходам добрался до той самой Гипербореи.

– Этого не может быть – задумчиво произнес Цезарь.

– Ты ошибаешься, мой император, вот карта переходов, ведущих в Гиперборею – Спуринна вытянул из своей потертой сумы толстый папирусный свиток, небрежно перевязанный кожаным шнурком и подал его в руки Цезарю.

Император быстро развернул карту и жадно впился в нее взглядом. Через некоторое время он поднял глаза от рисунка и увидел перед собой гадалея,

который, опутив веки, шептал слова на непонятном Цезарю языке.

- Что ты там шепчешь? - с угрозой в голосе спросил император.

- Я шепчу заклинание, чтобы ты понял, как важна для тебя эта страна и великий учитель Пифагор.

- Ты хочешь сказать, что он до сих пор жив?

- Да. Он жив, и мы изредка с ним встречаемся.

- Я мог бы увидеть его?

- Ты можешь увидеть Пифагора, но сначала ты должен попасть в Гиперборею.

Цезарь задумался, и внезапно в его голове созрел грандиозный план - он приобретет бесценный опыт у великого Пифагора, соберет свои железные легионы, и вся огромная Вселенная ляжет к его ногам! Ведь он еще не так стар, как думают его враги

- Хорошо. Я поверю тебе. Что еще скажешь?

- Много еще чего... - произнес гадатель и поднял к потолку лукавые глаза.

Цезарь снова открыл ларец из эбенового дерева, и Спурина увидел, как сверкают там драгоценные алмазы.

Через час гадатель покинул дом императора и быстро смешался с разношерстной толпой римлян, спешащих к амфитеатру.

Цезарь задумчиво сидел на полу, по-восточному скрестив ноги, и смотрел прямо перед собой.

«Опасность подстерегает меня в мартовские иды? Опасность - моя лучшая подруга, и она сопровождает меня всю жизнь! Хотя, в том, что сказал этот прощелыга, есть определенный смысл. Необходимо принять все меры, дабы

обезопасить себя и не доставить удовольствия заговорщикам лицезреть императора на смертном одре».

После разговора с гадателем, Цезарь знал, что он будет делать.

В шестом часу вечера император вышел из дома в окружении доверенных рабов и направился в курию Помпея, где было назначено заседание сената. Уверенной походкой двигался он по улицам Рима, в то время как недовольные его диктатурой заговорщики обсуждали последние детали покушения. Множество просителей окружало императора, то и дело, пытаясь сунуть ему в руку папирусные свитки с различными тяжбами.

– Император!!! – Цезарь увидел блестящее от пота лицо Артемидора из Книда. Глаза Артемидора страшно сверкали, а над головой он держал крепко зажатый в ладони свиток.

Цезарь приостановился.

– Артемидор, неужели и ты о чем-то меня просишь?

– Прошу лишь об одном – возьми скорее этот свиток и прочти! Это – очень важно! – Артемидор протянул Цезарю свое послание.

Через секунду он уже был оттеснен напирющими со всех сторон просителями.

Свиток Цезарь так и не раскрыл. Еще несколько шагов, и он вошел в сенат. Натянутые улыбки соратников таили за собой невероятное напряжение. Цезарю показалось, что кто-то невидимый натянул за его спиной тетиву тугого лука – еще секунда, и разящая стрела просвистит в тишине зала, воткнется в его беззащитную спину и, вращаясь, разорвет дрожащие от напряжения жилы.

Цезарь спокойно подошел к своему золотому креслу. Заговорщики окружили его плотным кольцом. Цезарь сел в кресло и только сейчас заметил, что рука его до сих пор сжимает свиток, который дал ему Артемидор. Он расправил свиток у себя на коленях и увидел там одно единственное слово «БЕРЕГИСЬ!!!».

Резкая боль от удара в шею заставила его мотнуть головой. Кровь хлынула на папирус. Цезарь зажал рану ладонью и огляделся вокруг – разящая сталь блестела в руках заговорщиков. Брут подскочил к императору, холодно посмотрел ему в глаза и, коротко взмахнув кинжалом, сильно ударил его в пах. Император не отбивался и не стонал, он молча натянул на голову тогу. Телу его не давали упасть удары кинжалов, которые исступленно наносили убийцы. Сандалии их скользили по мокрому от крови мрамору, в спешке они даже ранили друг друга, но что такое были эти раны по сравнению с долгожданной наградой за многолетнее терпение!

Через минуту все было кончено. Бездыханный Цезарь лежал рядом с забрызганной кровью колонной. Брут наклонился к телу диктатора и отдернул тогу. Дикий вопль вырвался из его груди. На плече Цезаря Брут увидел татуировку – белый ворон летел к маленькому солнцу, широко раскинув большие крылья.

– Это не Цезарь!!!

– А кто же?! – недоуменно спросил Каска, играя окровавленным кинжалом.

– Это – двойник. У Цезаря никогда не было татуировок.

– Ну и что же – спокойно проговорил Каска – никто и не узнает об этом. Ведь ты никому не скажешь?

Брут посмотрел в глаза Каске и молча кивнул головой. Он закрыл тело тогой, и чернокожие нубийцы аккуратно положили то, что еще полчаса назад было властелином империи, на носилки и понесли. Мертвая рука «императора» свесилась с носилок и беспомощно болталась в такт их шагам.

Торговый корабль под красными парусами отошел от безлюдного берега и лег на курс, известный только его седобородому капитану. Надсадно заскрипели рулевые весла, вспенилась темная вода за кормой, и качнулся в сторону акростоль (Акросто?ль – декоративная кормовая

(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0>)

оконечность корабля

(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D1%80>)

В античный период часто изготовлялась в виде скорпионьего
(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%B8%D0%BE%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD>)
рыбьего или драконьего
(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD>)
хвоста, либо птичьей головы или завитка раковины. Особой декоративности
акростоли достигли в период Имперского Рима. Помимо декоративного значения
акростоли использовались в утилитарных целях: у некоторых кораблей к ним
крепилась наклонная мачта, несшая дополнительный парус.)

в виде головы белого лебедя с большими печальными глазами.

На корме, широко расставив кривые ноги, стоял человек. Он был одет в короткий шерстяной плащ с капюшоном, который он накинул так, что лица почти не было видно. За спиной человека стоял, трясущийся от промозглого морского ветра, гадатель Спурина. Человек резко повернулся к Спуринне и произнес:

– Ты был прав. Март оказался для меня неудачным месяцем. Хотя, с какой стороны посмотреть. Я жив – и это главное.

– Конечно, мой господин – Спурина подобострастно склонил голову перед человеком в плаще и потер друг о друга влажные ладони – теперь нам надо добраться до северной страны под названием Гиперборея, тогда вы действительно станете богом.

– На меньшее я и не рассчитываю – человек в плаще отошел на шаг от Спуринны и повернулся лицом к удаляющемуся берегу. Берег медленно исчезал в молочном тумане.

– Прощай, Империя – человек помахал рукой и тихо засмеялся.

Удар ножом в спину превратил его смех в набор булькающих звуков. Густая темная кровь полилась из раскрытого рта на грудь. Он упал, глухо ударившись головой о палубу. Как большая металлическая заноза, торчала из его спины рукоятка диковинного изогнутого ножа, покрытая непонятными иероглифами. Навершие этого странного орудия убийства было увенчано рогатой головой лося, сделанной из чёрного эбенового дерева.

Спуринна выдернул нож и еще два раза глубоко вонзил его в спину лежащего на палубе человека.

– Теперь уже точно: «Прощай, Империя». Не понимаю, зачем люди всю жизнь тешат себя призрачными иллюзиями. Им всегда всего мало. Они всегда лезут в будущее, не прожив до конца настоящее. Здесь и сейчас – вот основной принцип для мудрого. Цезарь таковым не был.

Спуринна поймал себя на мысли о том, что и он сейчас представляет, как достанет из мешка отрезанную голову императора и, взяв за редкие волосы, бросит к ногам Кальпурнии. Такие женщины предательства не прощают и дорого платят за месть. Отогнав от себя надоедливые мечты, Спуринна принялся, сосредоточенно пыхтя, отрезать голову у мертвого Цезаря.

Александр Михайлович лежал на полу и тяжело дышал. Адская боль между лопатками раздирала спину, во рту ощущался металлический привкус крови и горечь незнакомого лекарства. Неимоверным усилием он оторвал голову от пола и увидел человека в коротком шерстяном плаще, который лежал лицом в луже крови на одной из белых клеток.

Рядом с мертвецом стоял Алгуй и держал в руке кривой нож, рукоятка которого была украшена головой чёрного лося с маленькими отполированными рожками. Он наклонился к мертвецу, перевернул его на спину и, пошарив у него за пазухой, достал оттуда толстый свиток папируса.

– Сволочь – прохрипел Александр Михайлович и бессильно ткнулся лбом в холодный пол.

– Зачем так говоришь? Я же для тебя стараюсь. Сейчас все хорошо будет.

Александр Михайлович почувствовал, как тело его медленно отрывается от пола и висит в воздухе.

– Отдохни немного, а потом и поговорим – Алгуй уселся рядом с висящим над полом Александром Михайловичем, достал из сумы уже набитую трубку и закурил.

«Как приятно пахнет» – подумал Александр Михайлович и провалился в пустоту.

Дверь в кабинет Бирюкова широко распахнулась. Играющие подняли головы от шахматной доски и увидели начальника девятого спецотдела майора Бокуна, за спиной которого стояли четверо крепких мужчин, одетых в длинные кожаные плащи. Бирюков вскочил со стула и принялся застегивать верхние крючки на кителе. Доктор спокойно встал, одернул измятый халат и принял, насколько мог, позу крайнего внимания.

– Где Соловьёв?! – рявкнул Бокун.

– Товарищ майор, Соловьев обследует труп шамана. В подвале.

– Один?!

– Нет. С ним товарищ Плоткин.

– Ведите меня туда!

– Есть!

Бирюков метнулся к двери. Доктор продолжал стоять на месте, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу.

Бокун с подозрением посмотрел на Станислава Германовича.

– Вы, насколько я понял, местный эскулап?

– Да, товарищ майор.

– Почему стоите?

– Прошу вашего разрешения, товарищ майор, отлучится в медчасть и доставить вам историю болезни туземного шамана.

– Разрешаю – коротко ответил Бокун и махнул рукой Бирюкову – ведите, лейтенант.

– Есть, товарищ майор!

Бирюков, не оглядываясь, быстро зашагал по коридору. За ним, держа руки в карманах, последовали четверо крепких мужчин и майор Бокун.

Станислав Германович посмотрел им вслед, открыл шкаф и быстро выбросил из него на пол несколько объёмистых папок. Достал из кармана небольшую фляжку, отвинтил крышечку и вылил содержимое фляжки на грудку бумаги. В кабинете резко запахло спиртом. Станислав Германович щелкнул зажигалкой и поднес её к папкам. Язычки синеватого пламени охватили засаленные картонные обложки, и Станислав Германович удовлетворенно крякнул – теперь можно было уходить. Он вышел из кабинета Бирюкова, тихо притворил дверь и увидел Шалаева.

Сержант стоял в двух метрах от доктора, держа в руках винтовку с примкнутым штыком и кровожадно ухмыляясь. Он, по-бычьему, наклонил голову вперед и сделал резкий выпад в сторону доктора. Станислав Германович с неожиданной легкостью мягко шагнул в сторону, ушёл от штыка и двумя руками рванул винтовку на себя. От неожиданности Шалаев упал на колени, но винтовку из рук не выпустил. Станислав Германович коротко ударил его ребром ладони по наклоненной шее. Хрустнули позвонки. Шалаев упал на бок и засучил ногами по полу. Станислав Германович обернулся, посмотрел на ползущий из—под двери белый дым, и быстро побежал по коридору.

Подвал встретил чекистов темнотой, жутким холодом и пугающей тишиной.

– Странно, двери почему-то нет – удивленно проговорил Бирюков, протянув вперед руку.

- Какого чёрта, лейтенант?! - выругался Бокун - включите свет!

Бирюков сделал шаг вперед, нащупал на стене выключатель и, несколько раз щелкнув тумблером, виновато произнес.

- Не могу, товарищ майор, лампочка перегорела.

- Заменить!

- Есть заменить! - Бирюков дёрнулся было наверх, исполнять приказание, но майор легонько придержал его за рукав кителя.

- Стоп, лейтенант.

Бокун достал из кармана коробок, чиркнул спичкой, и маленький язычок пламени осветил три неподвижно висящих тела. Тела эти висели параллельно полу на метровой высоте и не подавали никаких признаков жизни. Догорела спичка, зажатая в его пальцах, и в подвале опять воцарилась темнота. Бокун вдруг ощутил, как чьи-то узловатые крепкие пальцы железным кольцом сдавливают ему горло, а в мозгу слышатся частые глухие удары шаманского бубна.

- Все наверх! - хрипло крикнул Бокун и потерял сознание.

Очнулся Бокун спустя десять минут на дощатом полу задымленного коридора. Склонившийся над ним Бирюков облегченно вздохнул

- Очнулись, товарищ майор... а доктор, сволочь, ушёл...

- Как ушёл? Куда?! - ещё не совсем осознавая происходящее, спросил Бокун.

- Этого мы пока не знаем, товарищ майор. Он поджег мой кабинет и убил сержанта Шалаева.

Бокун окончательно пришёл в себя и приподнялся на локте.

- Доктора поймать и доставить ко мне.

- Есть, товарищ майор. За ним уже послано два бойца.

- Куда - «за ним»?

- Тут недалеко, товарищ майор. Он в частном доме живет.

- Хорошо. Вы разобрались с освещением в подвале?! - проговорил Бокун и машинально потрогал рукой горло.

- Нет, товарищ майр, мы тушили пожар, но сейчас всё будет налажено.

- Где мои люди?

- Здесь, товарищ майр.

Бокун скосил глаза в сторону и увидел лежащих рядом с ним подчиненных, которые тоже начинали приходить в себя. Бокун удивленно посмотрел на лейтенанета.

- А вас, значит, ничего не берёт?

- Я не знаю, товарищ майор. Просто, когда вы спичку зажгли, я почему-то сразу ближе к выходу прижался.

- Струсили?

- Нет, товарищ майор.

- Если Соловьёв мёртв - расстреляю. Без суда и следствия. Понял, лейтенант?

- Так точно, товарищ майор - ответил Бирюков и нервно провёл языком по пересохшему нёбу.

Прихватив керосиновую лампу, Бирюков осторожно спустился в подвал. За ним, передернув затворы ТТ, спустились четверо подчиненных Бокуна. Лейтенант поднял над головой лампу, и увидел, что картина в подвале изменилась. Шаман лежал на столе лицом вниз. Плоткин сидел рядом с дверью, упершись спиной в стену и держа в руке шприц. Александр Михайлович лежал рядом с Плоткиным на полу и тихо напевал:

«Mitten im Get?mmel mancher Freuden,

Mancher Sorgen, mancher Herzensnot,

Denk ich dein, o Lottchen, denken dein die beiden,

Wie beim stillen Abendrot

Du die Hand uns freundlich reichtest...»

Бирюков поставил на пол фонарь и потрогал Лёву за плечо. Лёва медленно поднял голову и со страхом посмотрел на лейтенанта.

– Что здесь произошло? – спросил Бирюков.

– Я ничего не помню. Ничего. Я очнулся и увидел, что рядом со мной лежат без сознания двое мужчин. В одном из них я опознал Александра Михайловича. Я взял из кармана куртки шприц с антишоковым препаратом и сделал укол Александру Михайловичу. Он начал мне что-то говорить, но я ничего не понимаю. Я ничего не понимаю!

Стоящий рядом с Бирюковым чекист наклонил к нему голову и тихо произнес

– Всё, лейтенант. Кончай базар. Грузим всех в машину.

– Понял – с готовностью отозвался Бирюков – Кого несём первого?

– Соловьева!

В течение пяти минут Александр Михайлович, Лёва и мёртвый шаман были погружены в карету «Скорой помощи». Туда же поместились майор Бокун и четверо крепких мужчин в одинаковых кожаных плащах.

– Доктора найти! – бросил майор Бирюкову, садясь в автомобиль – Во что бы то ни стало!

– Есть, товарищ майор! – прокричал Бирюков и вытянул руки по швам.

«Легко сказать: «Найти!» – подумал про себя лейтенант. Пять минут спустя лейтенант, взяв с собой двух бойцов с винтовками, мчался на раздолбанной «Эмке» к дому, в котором проживал Станислав Германович.

Доктор, прибыв домой, быстро прошел в комнату и, запустив маятник висевших на стене часов с кукушкой (когда первый из незваных гостей откроет входную дверь, сработает взрывной механизм...), пробежал в спальню, открыл бельевого шкафа и извлек оттуда полупустой брезентовый рюкзак. Поставив рюкзак рядом со шкафом, доктор отковырнул от пола три короткие доски рядом с кроватью, наклонился и выволок из потайной ниши кофр с портативной рацией. Он быстро её настроил и отстучал ключом всего лишь одно слово: «Омега». Затем, также быстро, он рацию свернул, достал из-под кровати винтовку, упакованную в запыленный брезентовый чехол, и положил рядом с рюкзаком. Подошёл к прикроватной тумбочке, выдвинул верхний ящик и, достав оттуда небольшой короткоствольный «браунинг», тихо задвинул ящик на место. «Браунинг» доктор засунул в карман брюк. Он запустил руку в рюкзак и выудил оттуда маленькую никелированную коробочку, которую немедленно открыл – в коробочке лежал небольшой металлический шарик с насечками. Доктор закрыл коробочку и спрятал её во внутренний карман тёплой меховой парки, висевшей на стуле. Затем он облачился в парку, забросил на спину рюкзак, взял в руки чехол с винтовкой, рацию и двинулся к выходу.

Выйдя во двор, Станислав Германович подошёл к большому сараю, опустил на снег свою ношу и открыл двери сарая. Внутри него, кое-как накрытые чехлом, стояли новенькие военные аэросани АНТ-4, снабженные пулеметом. Загрузив в кабину вещи, Станислав Германович сел внутрь сам, потер ладони, и, прошептав что-то скороговоркой, включил зажигание. Глухо заурчал

бриллинтовский авиационный мотор, запахло горючим и затрясло мелкой дрожью кабину. Станислав Германович удовлетворенно хмыкнул и плавно нажал на газ. Аэросани медленно выехали со двора и, набирая скорость, помчались по безлюдной улице.

Спустя двадцать минут после того, как аэросани Станислава Германовича скрылись за ближайшим поворотом, к воротам докторского дома подкатила «Эмка» с Бирюковым и его командой. Из машины выскочили двое бойцов, подбежали к дому и один из них, легко вспрыгнув на крыльцо, толкнул рукой дверь. Грохнул взрыв и, Бирюкова, замешкавшегося рядом с машиной, снесло раскаленной огненной волной в сторону соседнего дома.

Последним, что он увидел, прежде чем потерять сознание, была человеческая нога в начищенном яловом сапоге, одиноко парящая высоко в воздухе. «Какой аккуратный солдат...» – подумал Бирюков и закрыл глаза.

В это же время, тяжело оторвавшийся от взлётной полосы, бомбардировщик ТБ-3 набирал высоту, унося на своём борту тайну Сейд-озера, охраняемую четырьмя крепкими мужчинами в кожаных плащах во главе с озадаченным майором Бокуном.

Бирюков пришёл в себя от сильного холода. Левая рука его, придавленная куском от разбитой двери, онемела. Бирюков осторожно приподнял дверь и высвободил из-под неё руку. Затем он сел на снег, прислонившись спиной к колесу автомобиля, достал из кармана шинели пачку папирос и закурил, пытаясь вспомнить, что же произошло. Перед глазами всплыло улыбающееся лицо Станислава Германовича и, летящая по воздуху, оторванная нога в начищенном сапоге.

«Если я этого гада не найду – девять граммов свинца мне обеспечены» – подумал про себя лейтенант и, заметив след от аэросаней, ведущий от дома Станислава Германовича в сторону тундры, бросил окурок папиросы в снег и тяжело полез в кабину «эмки». Бирюкову надо было срочно взять из гаража аэросани и, во что бы то ни стало, догнать человека, так долго выдававшего себя за доктора!

Наши немецкие «друзья» подходили к любому делу обстоятельно. Не оказалось исключением и исследование Арктики. Ещё в 1895 году в Лондоне состоялся Шестой Международный географический конгресс, на котором всем географам настоятельно было рекомендовано как можно больше изучать Арктику и Антарктиду. В изучении белых пятен на карте имперская Германия преуспела. С 1900 по 1934 год в мире было опубликовано 915 научных статей об Арктике, из которых 815 принадлежало немецким исследователям.

В 1927 году в Германии на заводе в Бодене было построено мощное и современное чудо техники – дирижабль LZ-127.

В 1928 году на Втором Международном конгрессе общества «Аэроарктик» было принято решение о проведении научного полёта в Арктику на LZ-127. Появление немецких дирижаблей в небе Страны Советов стало привычным делом. Уже в августе 1929 года LZ-127 пролетел над советской Арктикой, совершая знаменитый двадцатисуточный кругосветный перелёт.

В июле 1931 года «Граф Цеппелин» за 116 часов пролетел 1000 километров над советской территорией и, набитый ценнейшими стратегическими сведениями, вернулся в родную Германию.

Первым делом командир дирижабля Хуго Эккнер передал Советскому правительству радиограмму: «Возвращаясь из полета в Арктику и покидая страну, оказавшую нам столь ценное содействие, я не хотел бы упустить случай принести свою сердечную благодарность и одновременно выразить свое живейшее удовлетворение по поводу того, что первая совместная работа русской и немецкой науки в деле исследования Арктики дала прекрасные результаты. К моему глубокому сожалению, при господствующем порывистом ветре и неустойчивой погоде было не безопасно спуститься в Ленинграде. Нам удалось, однако, приветствовать город, описав над ним несколько кругов».

На следующий день после приземления дирижабля в Берлине советской стороне были принесены официальные извинения за непрофессиональные действия мифического техника, который засветил все фото- и киноплёнки, сделанные в этой экспедиции над Арктикой и полуостровом Таймыр.

Все отснятые материалы Хуго Эккнер передал людям из научно-информационного центра «Раумкоппель», который находился в Шененберге.

Центр этот входил в систему абвера и занимался тем, что добывал различные страноведческие сведения, которые после тщательнейшего анализа помещал в обширный архив. Архив этот насчитывал более 250 000 карт, 50 000 фотографий и тысячи географических журналов, собранных по всему миру. Сведения выдавались командованию всех родов войск для проведения военных и диверсионных операций.

В 1935 году центр оснастил двойника «LZ-127» под кодовым именем «Стерх» к новому, не афишируемому для мировой общественности, перелёту.

В тундре, на расчищенной от деревьев и снега площадке стояло восемь человек в униформе. На каждом из них был надет тёплый белый комбинезон со множеством карманов, тяжёлые кожаные ботинки с толстой подошвой и вязаная шапочка. За спиной у всех восьмерых висели короткоствольные карабины. Они стояли полукругом и негромко переговаривались между собой на немецком языке.

Один из них достал из кармана зажигалку и пачку коротких сигарет. Собираясь закурить, он огляделся по сторонам и неожиданно вскрикнув, показал рукой на приближающуюся по озеру тёмную точку.

Когда аэросани Станислава Германовича остановились у края площадки, он открыл дверцу, ловко спрыгнул на снег и, вытащив из кабины рюкзак, закинул его на спину.

От группы отделился высокий скуластый человек с лицом боксёра и подошёл к Станиславу Германовичу.

– Отто Мюллер – старший группы «Северный фарфор» – с достоинством представился немец.

– Агент «Копф» – улыбаясь, ответил Станислав Германович.

– Как прошла операция?

– Не совсем удачно. Возможно, что в ближайшие полчаса здесь появятся русские.

– Ничего страшного. Наша команда готова ко всему – Мюллер показал рукой в сторону двух небольших холмиков, в которых угадывались добротные замаскированные бункеры с узкими пулемётными амбразурами – есть ещё лёгкая пушка – с удовлетворением в голосе сообщил он Станиславу Германовичу.

Доктор огляделся по сторонам, но никакой пушки не заметил.

– Где же она? Я ничего не вижу.

– Под землёй. Рядом с нашим блиндажом.

– Так покажите мне скорее ваш блиндаж! Я бы не отказался от глотка хорошего шнапса и горячего кофе с галетами.

– Руди! – Мюллер подозвал к себе молодого конопатого паренька – отведи нашего гостя в блиндаж, налей кюммеля и накорми!

– Есть! – Руди, по-военному, вытянулся перед Мюллером.

Руди повернулся, отошёл от доктора на десять шагов, наклонился и внезапно пропал.

Станислав Германович последовал за Руди и обнаружил среди снега искусно замаскированный лаз, который вёл в блиндаж. Трап, похожий на корабельный, с отполированными до блеска поручнями, позволял моментально спуститься к двери. Доктор, как бывалый моряк, на руках спустился вниз и оказался перед толстой деревянной дверью. Открыв её, он очутился в просторном, хорошо освещённом блиндаже. Посередине блиндажа стоял длинный деревянный стол, рядом с ним – две длинные лавки. По стенам, в два яруса было устроено десять коек, покрытых немецкими солдатскими одеялами. В углу блиндажа, на ящике из-под консервов, стояла военная рация.

– Вы пока присядьте, я сейчас – сказал доктору Руди и, открыв дверь в стене, которую Станислав Германович поначалу не заметил, скрылся на кухне.

Станислав Германович прислонил к стене рюкзак и уселся на скамью. Ждать пришлось недолго – Руди вернулся из кухни, неся в руках бутылку кюммеля, алюминиевую кружку и алюминиевую миску с тушёной олениной. Под мышкой он держал пачку галет.

– Вот, угощайтесь, пожалуйста – Руди проворно расставил перед гостем еду и налил в кружку кюммеля.

– Спасибо, Руди – произнёс Станислав Германович и, собрался было выпить содержимое кружки, но снаружи вдруг глухо застучал пулемёт.

Станислав Германович с неудовольствием бухнул кружку на стол и подтянул к ногам рюкзак.

– Вы сидите здесь, а я посмотрю – шустрый Руди менулся наверх, а Станислав Германович остался сидеть за столом, чертыхаясь и тупо смотря на миску с тушёной олениной.

Не прошло и пяти минут, как Руди влетел обратно и позвал Станислава Германовича наверх.

Выбравшись из блиндажа, Станислав Германович огляделся вокруг и увидел, лежащие вверх лыжами аэросани с красной звездой на борту. Лобовое стекло аэросаней было вдребезги разнесено очередью из крупнокалиберного немецкого пулемёта, пропеллер разбит в щепки, а передняя лыжа – погнута. Рядом с аэросанями, выброшенный из кабины, валялся труп водителя. Двое немцев вытаскивали из пассажирского отсека Бирюкова, голова которого безвольно болталась на груди, но он был жив и что-то бессвязно мычал. Из рта и носа чекиста на снег тонкими красными струйками лилась кровь.

Со стороны площадки раздавались чёткие команды на немецком языке.

Станислав Германович поднял голову вверх и увидел, что с подветренной стороны над площадкой висит огромная серая туша «Стерха».

Когда до земли оставалось около пяти метров, в передней части гондолы открылся люк, из которого на землю упало несколько алюминиевых ящиков без маркировки и пару тюков. Всё это имущество было сноровисто подобрано мюллеровскими бойцами.

Мюллер подошёл к Станиславу Германовичу.

– Вам пора.

– Да, я знаю. Вы поможете мне загрузить ещё и вот это – Станислав Германович кивнул головой в сторону лежащего на снегу Бирюкова.

– Конечно – лишних вопросов Мюллер задавать не привык.

Бирюкова подтащили к дирижаблю и положили под гондолу. Из люка спустили брезентовую люльку, в которую загрузили мычащего лейтенанта. Люлька поднялась вверх и исчезла в брюхе дирижабля.

Станислав Германович поправил лямки рюкзака, пожал руку Мюллеру и, на удивление быстро, вскарабкался по спущенному трапу в гондолу. Люк захлопнулся, и дирижабль медленно поплыл вверх, увозя из Страны Советов чекиста Бирюкова и агента абвера «Копфа».

Спустя полчаса неожиданно разыгравшаяся метель сделала своё дело, и ничего уже не говорило о том, что здесь побывал «Стерх».

ФЕВРАЛЬ 1935 ГОДА. МОСКВА

Бомбардировщик ТБ-3 приземлился на подмосковном военном аэродроме. Тело, впавшего в кому Соловьёва и труп шамана были транспортированы на карете «Скорой помощи» в закрытую спецклинику на окраине Москвы. Клиника принадлежала 9-му отделу, и у Бокуна здесь имелся собственный кабинет.

Труп шамана был помещён в морг на холодном подвальном этаже, а Соловьёва положили в отдельную палату, где посменно дежурили Лёва и пожилая медсестра.

«Как только придёт в себя – сразу докладывайте мне!»! – приказал Бокун и ушёл спать.

Александр Михайлович открыл глаза, увидел ослепительно белый потолок больничной палаты и зажмурился. Через секунду он открыл глаза вновь – рядом с его койкой на вертящемся кресле с высокой спинкой сидел, одетый в белый докторский халат, Бокун и что-то сосредоточенно записывал в толстый потрёпанный блокнот.

Бокун моментально поймал взгляд Александра Михайловича:

– Александр Михайлович, вы можете говорить?

– Да – Александр Михайлович утвердительно кивнул головой

– Вы были в коме. Как вы себя чувствуете? Вы что-нибудь можете вспомнить?

– Я помню всё. Сначала шаман вспорол мне живот и вырвал глаза, а потом я очнулся в пещере, и ко мне пришёл проводник.

– Какой проводник?

– Проводник по Нижнему Миру – карлик по имени Алгуй. Он сказал, что я должен пройти девять переходов...

– Зачем?

– Чтобы получить хранителей и стать бессмертным. В первом переходе я был немецким снайпером на войне.

– В каком году?

– В 1943

– Но ведь сейчас только 1935! Я догадывался, что скоро война! Кто победит?!

- Не знаю. Меня убил русский снайпер, и я получил первого хранителя.

- Сам шаман присутствовал в вашем путешествии?

- Нет.

- Что было потом?

- Потом был второй переход, в котором я был Цезарем. Меня убили и отрезали голову. После этого я получил второго хранителя...

- Да-а, очень жестоко... Кстати, вы не заметили там ни одного «бункера»?

- Нет. Мне было не до «бункеров».

- Жаль. «Бункеры» - это, можно сказать, цель наших переходов в иную реальность.

- Я об этом не подумал.

- Подумайте. Куда потащит вас карлик в следующий раз?

- Он не сказал. Сергей Анатольевич я очень устал... у меня такое ощущение, будто я постепенно становлюсь частью шамана и начинаю смотреть на мир его глазами. Если так пойдёт и дальше, я запутаюсь в том, кто я есть на самом деле - советский учёный или шаман. Он завладевает моим разумом!

Глаза Александра Михайловича закрылись, и ему показалось, что он тонет в глубоких и тёмных водах холодного озера, кишящего странного вида рыбами и зубастыми белыми змеями. Одна из белых змей обвилась вокруг руки Александра Михайловича, проползла наверх и ужалила его в горло. Никакой боли Александр Михайлович не почувствовал. Он схватил извивающуюся рептилию и поднял на уровень глаз - вместо змеиной головы Александр Михайлович увидел оскаленное лицо шамана. Затем лицо это медленно превратилось в большой экран, на котором сначала появились титры, а потом уже стало разворачиваться действие.

ВИДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА. ФЕВРАЛЬ 1919 ГОДА. МУРМАНСК.

Полковник внимательно смотрел капитану в глаза и, казалось, чего-то ждал, постукивая по столу холёными пальцами. Затем он перестал стучать по столу, встал и подошёл к капитану.

– Послушайте, Олег Николаевич, я знаю вас, как одного из лучших российских асов, очень талантливого человека и надёжного товарища, поэтому решил обратиться к вам.

– Всегда к вашим услугам, Аркадий Николаевич.

Полковник удовлетворённо кивнул головой, вернулся на своё место, предложил капитану сесть в небольшое плетёное кресло и открыл, стоящую на столе коробку с сигарами.

– Угощайтесь, любезный.

– Спасибо, но у меня свои – капитан достал из кармана лётной кожаной куртки мятую пачку папирос «Салве» и демонстративно положил рядом с сигарной коробкой – надеюсь, брат, формальности соблюдены? Нас не подслушивают?

– Олег, этот твой жест совсем не обязателен. Никто не виноват в том, что я полковник, а ты до сих пор капитан. Твои выкрутасы сослужили тебе плохую службу, и благодари бога, что ты до сих пор цел, летаешь и даже не сидишь в тюрьме...

– «Даже не сидишь» – передразнил полковника капитан – Аркаша, ты лучше скажи, зачем вызвал? Мы покидаем любимый Мурман? Или его покидают британцы? Пора разбирать самолёты?

– Не надо так нервно. Мы пока не покидаем Мурман, но есть опасения, что это скоро произойдёт. Разведка докладывает, что наши союзники в скором времени погрузятся на пароходы и отчалият в свои благодатные страны, а по сему: у меня к тебе дело. Архиважное.

– Внимательно тебя слушаю – капитан с иронией посмотрел на полковника, выудил из пачки папиросу и закурил.

– Дело в том, что Кольский полуостров с древних времён считался местом непрым... полным загадок и всевозможных тайн...

– А, если немного конкретнее?

– Да, конечно, ты прав. Не надо мне было начинать издаека – полковник задумчиво прикусил губу – Здесь такое дело... Понимаешь, Олег, долгие годы наше правительство собирало здесь шаманские артефакты, которые впоследствии могли бы послужить на благо страны и Отечества. Артефакты собраны, но страны и Отечества, как ты видишь, практически, нет. Поэтому то, что здесь собрали, нужно срочно вывезти за границу.

– Сколько мест? Какой вес у этих артефактов и когда их надо вывезти?

– Олег, место – одно. Это всего лишь небольшой железный чемодан. Вывезти надо срочно. Ты должен пролететь в Ловозеро, забрать у местного батюшки чемодан и доставить его в Мурманск на канонерскую лодку «Булат». Батюшка – наш человек, офицер разведки.

– Что я должен делать потом?

– Потом ты должен доплыть на этой лодке до Британии. Там тебя будет ждать штабс-капитан Васильев. Ты его помнишь. Такой рыжий, и очень похож на ирландца.

– Да, я прекрасно его помню. А как же ты?

– За меня, брат, особо не переживай. Думаю, что спустя некоторое время мы с тобой встретимся в одном из лондонских пабов.

– Я на это надеюсь. А что такого ценного в этом чемодане?

– Ни тебе, ни мне об этом пока знать не положено. Извини.

– Я тебя понял. Когда я должен лететь?

– Немедленно.

– Но у моего «Кэмела» после вчерашнего вылета разбито крыло и порвана одна стяжка. Я еле дотянул до базы! А на другом самолёте, Аркаша, я не полечу. Ты же знаешь, что это мой талисман...

– Твой любимый «Кэмел», Олег, ждёт тебя в ангаре в добром здравии и с полными баками горючего – с улыбкой произнёс полковник – я прекрасно знаю твои капризы. Только, братец, одевайся теплее. Прогноз погоды на ближайшие сутки неутешителен.

– Это не капризы – на секунду о чём-то задумавшись, проговорил капитан, встал и подошёл к полковнику.

Братья молча обнялись и капитан вышел из кабинета. На столе у полковника, рядом с сигарной коробкой, осталась лежать мятая пачка капитанских папирос. Полковник с грустью посмотрел на эту пачку и бережно спрятал её в ящик стола.

Капитан добрался до аэродрома на попутном грузовике, который вёз в эскадрилью патроны для пулемётов и сразу же пошёл в ангар. Его любимчик одноместный «Кэмел» действительно был отремонтирован и заправлен, а рядом с ним стоял сияющий механик Петрович и радостно смотрел на капитана.

– Вот, однако, как дело-то обернулось – сказал Петрович и ласково похлопал по фюзеляжу биплана – опять вам лететь куда-то надобно, Олег Николаич. Может, передохнёте лучше, чем в такую непогоду путешествовать? Опять же, там ребята рыбки нажарили. Джин имеется из аглицкого довольствия. Заведём патефон, Шаляпина послушаем, а, Олег Николаич? Очень вас прошу – Петрович приложил правую ладонь к сердцу и умоляюще посмотрел на капитана.

– Нет, братец. Я бы всей душой рад с вами остаться, но должен лететь. Вернусь, и послушаем Шаляпина.

– Обещаете?

- Обещаю, Петрович. Ты меня знаешь, я же всегда возвращаюсь. Разве не так?

- Так - то оно, конечно, так, но...

- Никаких «но»! А сейчас давайте, ребята, выкатывайте «КамЕля» из ангара. Я оденусь потеплее и выйду - капитан посмотрел на свои большие наручные часы - сейчас 10:20. В 10:30 я должен взлететь!

- Есть! - отрапортовал Петрович и подозвал к себе молодого помощника, который в это время копался в разбитом двигателе стоящего рядом «Де Хэвилленда».

Капитан облачился в тёплые, подбитые ватой брюки, меховой жилет и меховое кожаное полупальто. На ноги он надел меховые унты по колена, шею обмотал длинным шерстяным шарфом, а на голову водрузил поверх меховой шапки пробковый шлем, обтянутый кожей. Лицо капитан густо смазал жиром, чтобы не обморозить. На улице было почти минус тридцать, и налетавший время от времени шквалистый ветер швырял в лицо колючий и холодный снег.

Капитан залез в кабину и махнул рукой Петровичу. Механик сноровисто запустил пропеллер, мелкой дрожью затрясся двигатель, и «Кэмел» покатился вперёд, по расчищенной от снега дорожке. Капитан надвинул на глаза зимние лётные очки с двумя висящими кожаными щитками, которые должны были защищать от холода щёки, и закусил зубами конец длинного шарфа. Всё! Спустя несколько секунд «Кэмел» взлетел с мурманской лётной базы и взял курс на Ловозеро.

Спустя два часа самолёт капитана приземлился на твёрдый наст неподалёку от ловозёрской церкви. Капитан выбрался из кабины и увидел, что к нему спешит огромный батушка, появившийся, словно из-под земли. Батушка был высок, седобород и могуч. Подойдя к капитану, он сграбастал его в свои медвежьи объятия и громким басом прогудел

- С прибытием вас, голубчик! Пойдемте быстрее в церкву, а то, я вижу, вы совсем окоченели.

- Спасибо, батушка, что встретили. Я действительно непрочь сейчас погреться, но недолго. Мне приказано возвращаться как можно скорее.

– Я знаю, милейший, – на ходу басил батюшка – долго посидеть и не получится! На то имеются объективные причины от нас с вами не зависящие.

Они зашли в аккуратную каменную церковь и спустились в подвал. В небольшой подвальной комнатухе жарко топилась раскалённая «буржуйка», пахло ладаном и вяленой олениной. В центре комнатухи стоял небольшой деревянный столик, с расставленными на нём глиняными мисками со снедью, над которыми возвышалась четверть чистого, как слеза, самогона. У стола стояли два грубо сколоченных табурета, а в углу комнатухи, на расстеленном куске мешковины были аккуратно разложены ручной пулемёт «Льюис», два больших «морских» кольца, цинк с патронами и несколько «лимонок» с рифлёными боками.

– Присаживайтесь – батюшка рукой указал капитану на табурет – как изволите вас величать?

– Капитан Казначеев Олег Николаевич. А вас?

– Подполковник Воздвиженский Сергей Геннадиевич. Он же – отец Амвросий.

Батюшка сдвинул вместе два гранёных стакана, стоящих рядом с бутылкой и щедро плеснул туда самогона.

– Давайте, Олег Николаевич, немного выпьем, а уж потом я передам вам заветный чемодан, и вы полетите обратно – батюшка поймал взгляд капитана, направленный в угол, где находилось оружие, и сокрушённо покачал головой – скоро здесь будут красные, и я постараюсь их задержать.

Капитан стащил с себя куртку и шлем. Затем вытер от жира лицо и удивлённо посмотрел на батюшку.

– Какие красные, Сергей Геннадиевич?! Разведка докладывала, что в этом районе их нет.

– Не было. Но, видно, у них свой человек в нашем штабе. Они пронюхали о вашем задании, и сейчас в направлении Ловозера от станции Оленья сюда едут двое аэросаней с красноармейцами. На одних аэросанях, кстати, установлен

спаренный зенитный пулемёт. Так что, Олег Николаевич, давайте быстренько подкрепимся, и каждый займётся своим делом.

Капитан хотел расспросить батюшку о том, как тот, офицер разведки, оказался в этом, забытом богом и людьми, месте, но времени, действительно, было в обрез, поэтому он махнул полстакана самогона, закусил квашеной капустой и поднялся из-за стола. Батюшка подошёл к стене и нажал на один из древних шершавых кирпичей. В стене открылась замаскированная дверца, и капитан увидел маленькую тёмную нишу, в глубине которой лежал небольшой железный чемодан, снабженный двумя кодовыми замками и запаянная железная коробка из-под патронов.

Батюшка достал чемодан и коробку из ниши, а затем передал их капитану.

– Чемодан – имущество Российской Империи, а коробочка – лично для вашего брата. Он знает, как ею распорядиться.

– О коробке мне ничего не было сказано – с сомнением в голосе произнёс капитан – что в ней?

– Камушки. Простые драгоценные камушки, которые помогут нам безбедно жить на чужбине. На этом всё, Олег Николаевич, одевайтесь и – с богом!

Капитан вновь облачился в свои тёплые доспехи и обмотал вокруг шеи вязаный шарф.

– А как же вы?

– Обо мне, капитан, беспокоиться не стоит. Я обучался умению выживать в таких местах, что вам и не снилось. Задержу красных и догоню вас в Мурманске.

– Вы так уверены?!

– Абсолютно – батюшка толкнул локтем едва заметную в стене дверь – вам пора. Подземный ход выведет вас к месту, где вы приземлились. Там крышка люка очень тугая, но открыть её для вас труда не составит. Ступайте – батюшка сунул в руку капитана небольшой фонарик и легонько подтолкнул его к двери.

– До свиданья, Сергей Геннадиевич! Жаль, что встреча наша была столь короткой – капитан искренне пожал огромную ладонь батюшки и шагнул в холодный тоннель.

Капитан выбрался на поверхность недалеко от биплана и услышал за спиной хлопки выстрелов. «Видно, красные поспели раньше, чем ожидалось. Храни вас господь, Сергей Геннадиевич!» На долгие раздумья времени у капитана не было. Он быстро дошёл до самолёта и забрался в кабину. Усевшись в кресло, капитан пристроил чемодан и коробку в ящик для ракетниц, находящийся по левому борту, запустил двигатель и быстро взлетел. Большую высоту он набирать не стал, думая, что прятаться пока не от кого и в небе он один. Капитан глубоко заблуждался. Внезапно из-за небольшого хмурого облака в трёхстах метрах от капитанского «Кэмела» вынырнул «Ньюпор» с красными звёздами на крыльях. Капитан, мгновенно среагировав, не целясь, дал очередь по «краснозвёздному» и пошёл вверх. Пилот «Ньюпора» незамедлительно ответил на «приветствие» капитана длинной пулемётной очередью, но пули, не попав в цель, прошли в двух метрах под брюхом «Кэмела». Капитан сделал полупетлю, пытаясь зайти на «Ньюпор» сверху и расстрелять «краснозвёздного» пилота в затылок. Истребитель, которому противник зайдёт в хвост, практически, покойник. Пулемёты, закреплённые в носу самолёта, не поворачиваются и могут стрелять только вперёд. «Краснозвёздный» разгадал маневр капитана и сделал петлю. Капитан попытался увернуться, заложив крутой вираж, но «краснозвёздный» последовал за ним и дал очередь. Пули прошили в нескольких местах правое крыло и зацепили одну из стоек. Капитан не был новичком в лётном деле, провоевав два года в Первую Мировую и сбив двенадцать немецких самолётов. Он понял, что перед ним опытный и талантливый ас, который тоже бил немцев. Капитан сделал ещё один крутой вираж и «Кэмел» почти отвесно заскользил вниз. «Краснозвёздный» не отставал, вцепившись в капитана мёртвой хваткой. Выйдя из пике, капитан атаковал «Ньюпор», нажав кнопку на ручке пулемёта, но выстрелов не последовало – пулемёт заклинило! Капитан схватился за ручку левой рукой, а правой попытался загнать патрон в патронник. Бесполезно. «Краснозвёздный» повернул на спину и пролетел над капитаном, затем резко свалился вбок и на вираже дал очередь по беспомощному «Кэмелу». Пули прошили борт и топливный бак, пройдя всего в нескольких сантиметрах от капитана. «Кэмел» быстро пошёл на снижение, но «краснозвёздный» добивать его почему-то не стал и исчез за облаками также быстро, как и появился. Капитан в недоумении огляделся по сторонам, затем посмотрел вниз и понял причину исчезновения противника – внизу, по крепкому льду озера, следуя за снижающимся «Кэмелом», неслись аэросани красных. Капитан решил их протаранить и направил машину вниз, но когда он был уже совсем близко

от аэросаней, пулемётная очередь вновь появившегося «краснозвёздного» разнесла в щепки хвостовое оперение «Кэмела». Биплан капитана, потеряв управление, вошёл в штопор и врезался в лёд. Капитана при ударе вышвырнуло* из кабины метров на десять от места падения. Биплан, пробив тупой мордой озёрный лёд и обломав оба крыла, быстро пошёл ко дну. «Краснозвёздный» приземлился неподалёку от полыньи, пилот выбрался из кабины и медленно побежал к лежащему (На модели британского самолёта «Сопвич Кэмел» у кресла пилота не было пристяжных ремней) без сознания капитану. Подбежав, он опустился на колени и сорвал с лица капитана защитные очки.

– Олег?! – вырвалось из глотки «краснозвёздного». Он стянул с руки перчатку и приложил палец к шее капитана – слава богу, жив! – выдохнул он с чувством облегчения и, услышав стрекотание аэросаней, сунул руку во внутренний карман меховой куртки, нащупав там ребристую рукоятку немецкого «Люгера». Аэросани остановились, из них выскочили два человека, одетых в тёплые кожаные пальто без знаков отличия, и подбежали к «краснозвёздному».

– Здравия желаем, товарищ военлёт! Мы из губчека. Дайте-ка нам обыскать эту белую сволочь – чекист

бесцеремонно отодвинул «краснозвёздного» от тела капитана и принялся шарить по многочисленным карманам.

– Что вы ищете? – с любопытством спросил «краснозвёздный»

– Что надо, то и ищем, товарищ военлёт. А вы бы лучше сядились в свою стрекозу и летели на базу. Вас там уже, поди, заждались. Ехайте отсюда – с нескрываемой неприязнью произнёс второй чекист и тоже присел над лежащим без сознания капитаном.

«Краснозвёздный» отступил полшага назад, осторожно достал из-за пазухи «Люгер» и хладнокровно всадил каждому из чекистов по пуле в затылок. Оба чекиста почти одновременно повалились на капитана. «Краснозвёздный» оттащил мёртвых чекистов, взвалил капитана на спину и понёс к своему «Ньюпору». Подтащив капитана к самолёту, «краснозвёздный» осторожно положил его на лёд, а сам взобрался на крыло и снял брезентовый кожух, закрывающий место второго пилота («Ньюпоры» обычно делались одноместными, но этот раньше был предназначен для тренировочных полётов

в одном из царских авиаотрядов, поэтому в нём было два места).

«Краснозвёздный» поднял бесчувственно тело капитана на крыло, а затем бережно усадил его на место второго пилота и прикрыл брезентом, закрепив кожу. Выполнив эти манипуляции, «краснозвёздный» вернулся к трупам чекистов и по одному отволоч их к аэросаням. Запихнув трупы в аэросани, он выстрелил из «Люгера» в топливный бак, набрал в шапку одного из чекистов керосина, расплескал его в кабине и поджёг. Пламя занялось быстро и спустя пару секунд уже с жадностью пожирало войлочную обшивку и одежду покойных чекистов. «Краснозвёздный» удовлетворённо кивнул головой, повернулся и быстрым шагом направился к своему «Ньюпору». Он забрался в кабину, включил двигатель и взлетел, взяв курс на Финляндию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gal-cov_mihail/seyd

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)